

Владимир Мищенко

16+

Проводник

Владимир Мищенко

Проводник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477805

SelfPub; 2022

Аннотация

Иногда, собираясь отдохнуть на юге, мы получаем не то, чего ждали. Возможность заблудиться в пещерах, стать жертвой на жертвоприношении, узнать о природе происхождения жертвоприношений и феномене смерти – это в приключенческом рассказе "Проводник".

Владимир Мищенко

Проводник

Проводник.

1

Чтение книги в жару всегда было для меня лучшим снотворным. И сейчас, уже привычно, не дочитав и до середины страницы, я не стал сопротивляться и закрыл глаза под тяжестью наплывающего сна, готовый уйти во мрак, спасаясь от духоты моей квартиры. Но не тут-то было.

– Тили бом-бом-бом. Тили бом-бом-бом.

– Три тысячи чертей! Какому дома не сидится. Я же только задремал! Да? – сонным голосом прохрипел я в трубку, а если точнее, в свой мобильник.

– Привет, старая железка. Спишь?

– А-а, Серж. Привет. Я не железка, я – титан. И из титана моих протезов можно выковать пару лопат, которыми и закопают всех недовольных мною.

– Да кто б сомневался, бродяга.

– А ты, наверное, опять в компе? Поболтать хочешь.

– Ну, да. Уже два часа пялюсь туда, и всё без толку.

– Чё, совсем глухо?

– Да. Есть парочка, но так, не очень. Сезонные.

– Дак уж лето почти прошло. Два месяца всего осталось.

– Ха-ха-ха.

– Так что там?

– Первое. На туристическую базу требуется экскурсовод – проводник.

– А второе?

– Дворник. Под Анапой. Но я там уже немного покопался. Залез в интернет, нашёл фотки этой базы отдыха. Сборно-щитовые домики, а столовая, представляешь, как в фильме про деда Щукаря – под навесом, и кухня в небольшом сарайчике. Ужас. Двадцать первый век на дворе, а условия хуже, чем у моей матери в деревне.

– А что ты хочешь – сезонники. Деньги срубили и всё.

– Ну да.

– А второе что? Точнее, первое.

– Двадцать штук в месяц – это срок контракта. Трёх разовое питание и, если не прервёшь контракт, оплатят дорогу туда и обратно.

– Почти, как хоббиту. Двадцать штук? Ну, жлобы. Там путёвка стоит немерено, а за месяц ты человек пятьдесят отдаёшь.

– Да не, больше. Там ходка – трое суток. Тридцать раздели на три. Пускай будет восемь. И на десять человек в группе.

– Я и говорю жлобы. Слушай, с другой стороны – лето уже кончается. Правильно? Даже, если отобьёшь один контракт, это уже больше, чем твоя месячная пенсия. Плюс еда – штуки три будет. Кстати, а где эта база?

– На живописных склонах предгорий Капед-дага.

– О, а я читал о нём. Точнее, смотрел фильм, о пещере, куда падали древние люди, и даже какой-то ягуар. Все умерли, но хорошо сохранились для исследований. Раз горы, значит, это Кавказ. Там мясо едят, овощи, сыр. Всё натуральное. Свежий горный воздух. Среди туристов женщины, то есть идти будете медленно. Работы у тебя нет, и не предвидится. Верно?

– Ну да.

– Так что тебе терять? Отдохнёшь месяц, пенсию сэкономишь и ещё одна сверху. Проезд бесплатный. Позвони, уточни.

– Ну да, силой туда меня не утащат. Телефон я записал. Сейчас позвоню.

– Добро. Потом шепнёшь, что скажут. Пока.

– Пока, пока.

Сон прошёл. Пришлось вновь открывать книгу в надежде на послеобеденную дрему. Только я перелистнул третью страницу, как почувствовал зуммер вибратора мобильного.

– На проводе.

– Ну что, я дозвонился. Здесь у них свой филиал. Парнишка сказал, чтобы я завтра с утра подъехал, переговорим и подпишем контракт.

– Отлично. Тем более, я думаю – это давно уже отработанный, оттоптанный маршрут, так что он должен быть безопасным. Главное – соблюдать технику безопасности.

– Ну да.

– Сереж, извини, здесь у меня одно дело нарисовалось, давай попозже созвонимся.

– Да нет проблем. Пока, пока.

2

На следующий день Сергей позвонил мне уже после обеда.

– Привет, старая железка. А я билеты купил.

– В смысле? Уже! Молодец. Ты сейчас дома.

– Да. Только разулся.

– Я к тебе сейчас подскочу.

– Нет проблем. Я тебя заодно моими блинчиками побалую.

– Тем более.

Не прошло и двадцати минут, как я, скинув мокасины, сидел на стуле за кухонным столом холостяцкой квартиры моего друга Сергея.

Положив три свёрнутых трубочкой блинчика в микроволновку, он подошёл к стенному шкафчику.

– Ну что, тебя каким чаем побаловать? У меня сбор есть с сушёной земляникой. Обалдеешь. Понюхай только.

– Да уже отсюда чую. Насыпай.

Проведя все полагающиеся мероприятия по моему приёму, что, собственно, стало почти традицией, он поставил пе-

редо мною горячие блинчики, шмякнул сверху на них две столовые ложки густой домашней сметаны, и сел напротив, готовый начать рассказ.

– Короче, всё примерно так, как мы и думали. Маршрут отработанный, безопасный. Выход в девять утра. Все ориентиры в пределах видимости. В трёх местах – нет. Но там, если мысленно идти между двумя горбами, то мимо ориентира не проскочишь. Тем более, что меня сначала прикрепят к одной из групп стажёром. Я схожу туда и обратно. База недалеко от деревни Кара-боол. Практически на окраине.

– Серёж, у меня мысль проскочила. Слушай, а давай я к третьему дню подскочу в деревню. Там найду тебя, укажешь мне точку, где я тебя утром встречу. А что? Прогуляемся вместе, а потом я на Чёрное море на недельку рвану.

– Хм. А давай попробуем. Я ж не могу отвечать за тех, кого мы догоним по дороге?

– Молодец! Вот за это и выпьем по рюмочке твоего земляничного чая.

3

В Кара-боол я добрался ближе к вечеру. Вылез из машины, закинул рюкзак за спину и пошёл в сторону флаг-штока, что торчал метрах в ста за деревней, в окружении пяти палаток.

– Эй, старая железка!

– Ба. Серёга! Давно стоишь?

– Минут десять. Ты же знаешь меня – почувствовал что-то на подсознании. Понял – ты едешь.

– Молодец. Пойдём сразу на место. Я коньяк привёз, как ты любишь.

–Обожди. А переночевать?

– Серёж, ночью – плюс двадцать, днём – двадцать восемь – тридцать. Переночую. Ночи короткие.

– Хозяин – барин. Пошли.

– Далеко?

– Около километра. Чуть меньше.

Хороший коньяк, под хорошие домашние хрустящие огурчики да буженинку – самый классный закусон в полевых условиях. Тем более с другом, которого не видел целых два дня.

Чудесный вечер, освещаемый круглоликою Сар (Луна, тюркск.), подобной лику красавицы бурятки, закончился вскоре после того, как закончилась бутылка. Да и что сидеть, если не виделись всего два дня.

– Пойдём, провожу. Спать всё равно не хочу. Да и Луна светит, как прожектор на свинарнике.

– Хо, вспомнил.

– А то. Кстати, а группу набрали? Что за народ?

– Нет, ты скажи, как всё перемешано. Не поверишь, я только ушёл со школы, а тут группа из десятиклассников. Шесть пацанов и четыре девчонки. В палатках ночуют.

– Ё-моё. И здесь школа. Хотя вспоминаю с лёгкой грустью.

– Когда вспоминаешь нормальных. А когда этих ублюдков без башенных, которому даже подзатыльник не дашь – на уроке хамит, а чуть что, бежит жаловаться.

– И таких в классе человека три.

– Во-во. А то и больше.

– Пошли. Время детское, наверное, еще не спят.

– Пойдем, познакомимся, потрещим на школьную тему.

4

Молодёжь, как и положено, тусовалась в палатке девчонок. Две пустые бутылки от какого-то вина аккуратно стояли перед входом.

– Гляди, как ровненько стоят, значит, ещё не всё потеряно. Пошли?

Я кивнул и нырнул в палатку.

– Спокойно! Всем оставаться на своих местах! Это не налёт! Шучу. А то вы после военных сборов круче Рэмбо. Десятиклассники?

– Да. Ага, особенно, когда всего три пульки на стрельбище дали, и то в молоко ушли.

– А что вы хотели? Министром обороны у нас Сердюков. Тот самый, которого Медведев, будучи Президентом, наградил то ли Героем России, то ли орденом Мужества.

– Не может быть?! За что такое ч... наградить можно?

– Официально – за мужество и личное участие в осетинской войне с Грузией, а реально – за развал армии и личное

обогащение.

– Во-во. В тридцать седьмом его бы расстреляли, как предателя Родины.

– Э-э-э, всё зависит от того, кто крышует. Кого крышевал Сталин, те сами стреляли других.

– Пока на их место ни приходили другие.

– Отличник? На олимпиадах выступал? Ты прав, но я, надеюсь, наши Президенты не до восьмидесяти будут править, и Сердюкова успеют посадить в тюрьму, если не за работу на американцев, так хоть за развал армии, а формулировку найдут. Вспомни Ельцина. Сначала в его честь библиотеки называли, а теперь открыто говорят, что у него советников – црушников было больше, чем весь президентский аппарат. Обожди, сейчас кое-кто отойдёт от власти тоже самое и по Сердюкову скажут и ещё по кому. Главное, чтобы, наконец-то, у нас в прокуратуре и следственном комитете честные работали не только в кино, но и на деле. А то им шепнули, они и закрыли. Можно подумать, что во всей армии не могли найти двух человек, которые могли бы дать показания. Все за должность и за погоны боятся. Кстати, парни, это Сергей Степанович, ваш проводник, а я – Владимир Михалыч. Дикарь. Думаю, может, к вашей группе завтра потихоньку пришвартоваться. Мне по пути с вами, а одному мотаться уже немного надоело. Вы уже шмотки подготовили?

– А что их готовить. Завтра сухпай получим и вперёд.

– Э-э, парни. Это же ОБЖ, первая тема – выживание в

автономных условиях. Я, надеюсь, хоть ножи, зажигалки у всех будут?

– А зачем? Мы же не по джунглям пойдём.

– А если дождь хлынет? Ты знаешь, какие на Кавказе ливни? Спички все размочит за пять секунд. Чем огонь разводить будешь? Трением? А уронишь что в овраг? Как доставать будешь, как человека туда спустишь без верёвки? Аптечка, нож, зажигалка, верёвка, фонарик – это обязательно, помимо того, что вам дадут. Топорик хорошо иметь – дрова рубить. Топить костёр чем будете, ведь трое суток на маршруте? Подумайте. Это горы, а они иногда проверяют людей на крепость. А с вами девчонки.

– Володька, ты уже загрузил их по полной. Хватит, ты же не на уроке ОБЖ и не в армии.

– То же верно. До завтра. Извините, привычка всех строить и инструктировать. Не беспокойтесь, на марше доставать не буду.

– Пока, парни. Кстати, над его словами задумайтесь. Пока, пока.

5

Свою группу Сергей вывел по – военному точно. Пунктуальность – один из недостатков, от которого приходится отучиваться военным, уходя на пенсию, так как, чем больше начальник на гражданке, тем дольше он должен задержаться, чтобы его ждали и уважали.

– Физкульт привет пионерам – покорителям кавказских прерий.

– Здравствуйте, Владимир Михайлович.

– О, а я думал, после вчерашнего портвейна вы всё забыли.

– А мы Агдам пили.

– А, тогда всё меняет дело. Что, с почином? Господи, благослови. Все христиане? И по православным привычкам водочку кушаем и материмся.

– Не, у нас в компании не матерятся.

– Приятно слышать. Харчей набрали?

– А то. Всё, как учили, плюс практика.

– Обалдеть. И где же таких учеников выращивают?

– В Воронеже.

– В Воронеже? Так это ж рядом с Саратовом. Земляки. Бывал я в Воронеже. Кстати, Саратов чем-то напоминает.

– Не удивительно. Улицы Ленина, проспекты Революций, площади Побед есть в каждом городе, построенном в советское время.

– Как пить дать – призер олимпиады.

– Точно.

– И молодец. Знания, они, рано или поздно, всегда пригодятся.

– Как и диплом о высшем образовании.

– Слышу речь не мальчика, но мужа. Дядь Серёж, ты нас сегодня далеко поведёшь? Ты учти – я пенсионер, поэтому

больше пятидесяти километров за сегодня не пройду.

– До вечерней отметки двадцать два километра.

– И без перерыва на обед?

– Почему? Там речка будет. Поедим. Да и так привалы будут.

– Успокоил.

– Давай иди уж, старая железяка.

– Какой же ты грубый, а еще экскурсовод.

– Я проводник.

– Тогда понятно. Пошли.

6

Синоптики, обычно, точно предсказывают погоду только на вчера и, в лучшем случае – на сегодня, типа – за окном идёт дождь. Но везде бывают исключения, и сегодня, скорее всего, было одним из таких исключений. Жаркий летний день лишь изредка разбавлялся живительной свежестью горного ветерка, не понятно, по каким причинам и каким законам спускавшегося вниз со склонов, до которых было не больше километра. Взмокли и притомились все. Пацаны, понятно – мёрзны, но форс держи, а вот некоторых девчонок начало слегка заносить на поворотах.

– Сергей Степанович! Пожалей старенького пенсионера, дай хоть десять минут отдохнуть. Километров восемь, чай уже прошли.

– У нас до точки полтора километра осталось.

– Серге-е-й Степанович. Дя- я –дя Серёжа. Ну, хоть чу-

точку. Мы же устали. Мы же девочки.

– Сергей Степанович, ты же видишь – тяжёлое детство, нехватка витаминов. Пожалей детишек. И меня.

– Хорошо. Только всё равно метров двести ещё пройдем. Там впереди речка. Дойдя до неё, мы должны будем подниматься вверх по течению. Там хоть умыться сможете.

– О-о! Спасибо!

Речка оказалась ручейком шириной сантиметров сорок. Но в этом месте она делала зигзаг, вырываясь из каменных объятий, и растекалась плавным потоком на полутораметровую ширину. Все подступы к реке были усеяны острыми гранитными камнями величиной от кулака и до лошадиной головы. И только в одном месте был узенький проход к воде, и тот явно дело рук человеческих. На удалении – разбросаны огромные валуны. Некоторые были размером с пол избы. Метрах в ста пятидесяти – небольшой лесок из тонких деревьев незнакомой породы.

– Река Турхауд, что значит – воин дневной стражи.

– Точно подметили. Здесь и на лошади не пройдёшь, тем более на телеге.

– А выше река Хэбтэгул – воин ночной стражи. Там у нас вторая ночёвка.

– Очень романтично.

– Располагайтесь. У вас пятнадцать минут. На пятнадцать минут раньше выйдем с точки, чтобы не выбиться из графика.

– И это правильно, товарищи.

После того, как мне не совсем удачно поставили тазобедренный протез, я года два ходил с палкой и всего с полгода имитировал из себя нормального человека. Ходить с посохом всегда проще, тем более в горах, тем более мне. И мне ничего не оставалось делать, как заняться изготовлением бадика, т.е. клюки, т.е. посоха. Я подрубил одиноко стоящее деревцо и начал, не задумываясь, от нечего делать заострять один конец.

– О, вы это копьё делаете?

– Нет. Черенок для лопаты. В верховьях гор, говорят, часто бывают снегопады. Будем лопатой снег счищать вокруг лагеря.

– Вы это правда? Так много снега выпадает?

– А что ж ты хочешь. Это же горы. Гляди – все вершины в снегу. Оттуда ещё и лавины сходят.

– Не. Так далеко не доходят.

– И то хорошо. Правильно мне мама шерстяные носки положила.

– Маму всегда нужно слушаться. У мамы житейский опыт. А опыт – это грабли, на которые человек наступает сам и по несколько раз. Одна шишка опыта не добавляет.

– А мы подумали, что вы копьё готовите.

– Скажите, а вы не видите, что за нами наблюдают? Ой-ой-ой. Кто же так вертит головами. Да любой наблюдатель давно спрячется, отсидится минут десять, пока у самого упорно-

го шея не заболит, и потихоньку переползёт на новое место. Никогда не делайте резких движений. Скорость нужна, если только вам громко заорали тревога, шухер или ещё что. Тогда да – быстро вспрыгивай, смотри. А дальше по обстановке. Здесь или готовься к обороне, или отпрыгивай в сторону, чтобы машина не сбила или кабан не растоптал. Главное – всегда будь на чеку, переводи страх в осторожность. А вы знаете, что в этих местах долго жили кипчаки? Их у нас называли половцами. Цвет волос у них был, как половница, вытщенная из костра, т.е. рыжие. Потомки приматов. Паршивенький народ. Налетали толпой. Неожиданно. Потом, чтобы подлизаться к своим к своим божкам, приносили человеческие жертвы. А так как были с гнильцой в душе и трусоваты, пытались заимствовать чужую доблесть и мужество, поедая сердце и печень поверженных мужчин. Вот так – исподтишка убил, съел сердце и сразу стал крутым и храбрым.

– А они до сих пор живут?

– Смешались с завоевателями или, как сейчас говорят, ассимилировались. Сейчас чисто рыжих трудно найти. Да и двести лет под православной Россией сказались.

– А, может, у них кто в ролевые игры играет. У нас таких без башенных полно, кто входит в образ, а выйти не может. Их у нас ОМОН лечит.

– А у нас целое пехотное отделение прошедшее спецподготовку всего месяц назад.

– В отделении десять человек.

– Значит, отсеяли самых слабых. Остались самые крутые. Вы думаете местные парни намного сильнее вас? Увы. Как показывает медицинская практика, в армию приходит девяносто процентов дохляков, больных и уродов. Единственная надежда и опора – это парни из деревни. У них и здоровье хорошее, и работать не боятся, и по морде дадут, если заслужишь. И эти аборигены, как и вы, десять раз на перекладине не подтянутся.

– А у нас Мишка сорок раз делает.

– Молодец. На то и имя у него такое. Мальчишки, а вы бы сделали девчонкам такие же посохи, как у меня. Всё им легче идти будет. Да и от собак отмахнуться можно, если подскочут.

– А здесь и собаки есть?

– Это же Кавказ. Горы. Овцы. Пастухи. Значит, и собаки есть. Отары же охранять надо.

– Ёшкин кот. Ми-иш, сделай нам такие же палочки.

– Лёшенька, мальчики сделайте нам такие же. Укусят же.

– Во-во. Только идите в тот лесок. Там деревья постройнее. Кстати, посмотрите вокруг. Может, лежбище чьё увидите или следы. Тренируйтесь. В городе вы этого не увидите. Помните – прожитый вами день обмену или возврату не подлежит.

Я встал, встряхнул головой.

– Сереж, пойду-ка я к озеру. Тьфу. К ручью. Освежусь. Что-то у меня с головой, да и ощущения какие-то непонят-

ные.

– И у тебя тоже?

– Ну да. И что смотрят на меня, кажется. И на душе как-то не так. Я уж чуть шею не открутил себе, по сторонам вертя.

– Да у меня тоже самое, ядрёный корень. Я уж думал геопатогенная точка. Но деревья вокруг нормальные.

– Согласен. Отпадает. Тогда...

– Но маршрут проверен. Мы здесь шли позавчера. И рация в лагере есть. Если бы было что, полиция предупреждает всегда и ППСку сюда пригоняют. Всё отработано.

– Дай Бог. Будем думать – во всём виновата жара. Пойду, помоюсь.

7

Я набросил на плечо свой рюкзак, где среди всего прочего, лежали мои банные принадлежности. *Omnia mea mecum porto* – всё своё ношу с собой. Эту надпись надо пришивать на каждый вещмешок, чтобы люди, собираясь в путь, надеялись только на себя и были готовы к трудностям в дороге.

Ручей точно отражал своё название дневной стражи. Острые камни я чувствовал даже через мои берцы с подошвой из микропоры. Я не пошёл по проторенной тропинке, а упорно двигался к самому зигзагу, где вода белыми гребешками закручивалась в воронку, и, переплескиваясь через коряжину, успокоено растекалась вширь. Обмываться, считай род-

никовой водой, при температуре воздуха под тридцать градусов – ещё тот кайф. Обтеревшись докрасна, и засунув полотенце обратно, я нечаянно вытащил свою противомоскитную сетку, приобретённую мною по памяти того, как я однажды, в составе экскурсионной группы, попал в Сухуми под атаку огромных горных пчёл. Самая малая, из которых, была больше стандартного шмеля.

– Qui quaerit , reperit – кто ищет, находит. – Подумал я и, кряхтя, встал на колени. – Здесь круговерть, омут. Всё, что несёт сверху, врежется в корягу и успокоится под ней. Проверим.– С этими мыслями я приступил к работе. Руками зачерпывал песок и бросал его на так вовремя появившуюся сетку. Хорошо, что это была сетка, а не традиционный рояль в кустах. Таскать рояль с моими протезами проблематично.

Геометрическая форма предмета под моими пальцами весьма ощутимо ойкнулась в мозгу радостным ожиданием. Растерев и размочив воде глинистый налёт, я увидел золотой нательный крестик, хотя и не совсем привычный по форме. На кресте не было фигурки распятого Христа, но он был на фоне или основе, трех концентрических кругов, соединённых между собою как раз этим крестом. Всегда надо прислушиваться к тому тихому ненавязчивому шёпотку, что иногда звучит в вашей голове. Это дух Отца Небесного пытается вам подсказать, но мы, к сожалению, чаще всего пропускаем это мимо ушей, навсегда теряя что-то важное или, хотя бы нужное вам именно в этот момент. Я по наитию уступил

той мысли и был вознаграждён. Мало того, к крестикку была прикована легкая ажурная золотая цепочка нежнейшего плетения. Я внимательно осмотрел её, но следов порыва не обнаружил. Как же она слетела? Было уместно подумать, что её, в своё время, сорвали с шеи жертвы. Но не в данном случае. Ни один человек не снимет с себя и не выбросит свой натальный крестик. Если, конечно, хрящи шейного позвонка не сгнили и не рассыпались от времени, освободив, таким образом, цепочку от обязательств этому телу. Тем лучше для меня. Если сохранилась цепь, то могло остаться ещё что-нибудь. Но лучше всего это подтверждается in praxi, т.е. на практике, как говорили те же древние. И я оказался прав. Я стал владельцем массивного золотого перстня, вершиной которого была точная копия пирамиды Хеопса, а, может, Тутанхамона, из какого-то тёмно-серебристого металла высотой миллиметров в пятнадцать.

– Если такой вдарить в висок, второй удар не потребует-ся. – Подумалось мне. – Серебро мягкое, тогда, скорее всего, платина. Ё- моё, сколько же это стоит! Кто узнает – грохнет не задумываясь.

Перстень как влитой лёг на нижнюю фалангу среднего пальца правой руки.

– Как тут и было. Но носить его буду на левой и пирамидкой вниз. Как говорил Ходжа Насреддин – на Аллаха надейся, а ишака привязывай.

Как-то уже успокоено, больше для очистки совести, я до-

грёб несколько кучек. Всё в отвал. Только в конце мне попалось небольшое, слегка позеленевшее от времени, колечко с какими-то рисунками по верхней поверхности. Но зелень металла говорила, что это медь, т.е. ценности не представляло. Может, только для этнического музея. Рассказывать о своих находках я, естественно, никому не собирался. Мало ли что я мог купить раньше и где.

8

Михаил оказался явным лидером. Волевые качества он подкреплял занятиями в секции силовой гимнастики, хотя, что это я точно не знал, а уточнить постеснялся. По идее, на моём уровне такие вещи надо знать. У всех членов команды были крепкие обструганные и заострённые с одной стороны колья. У девчонок – чуть тоньше, у пацанов – потолще. Всё верно.

– Маленький нюанс – в ваших рука будет скользить. На моём – шершавая кора даст возможность усилить напор при упоре. Внимательней будьте. Ещё один нюанс. Экскурсы в прошлое. Первобытные в расщеп вставляли острые обсидиановые, кремниевые или другие сколы, которые хорошо пробивали шкуры животных. Расщеп можно сделать сейчас, но камень вставить позже, чтобы не мешал при ходьбе опираться на землю. Смотрите, как профессионально сделал дядя Серёжа. Глядя на него, так и хочется сказать, что он произошёл не от обезьяны, а от неодернтальца какого-нибудь или

кроманьонца.

– И чем горжусь, потому как навыки их и сейчас людям нужны.

– Кстати, советую, приглядывайтесь и присматривайтесь, что и как делает дядя Серёжа. Он всегда всё делает толково и качественно. Он, к тому же, отличный доктор. И не простой, а ветеринар. Животные, они же, как дети малые, стонут и плачут, а сказать ничего не могут. Это вам не современные врачи, которым приходится диктовать какие лекарства выписать твоему ребёнку.

– Ух, ты, а вы нам расскажете что-нибудь. Это же так интересно.

– Было бы желание. Но на привале. На ходу лучше не разговаривать, не сбивать дыхание. Идти цепочкой.

– Кстати, дядь Вов, в лесочке мы вроде бы лежку нашли. Трава примята. В одном месте скovyрнута.

– После примятия, траве требуется два – три часа, чтобы подняться. Любопытно. – Сказал я и встретился взглядом с дядей Сережей. Интуиция нас не подвела. За нами действительно кто-то наблюдает. Или наблюдал? Посмотрел и ушёл? Может быть. Но почему тогда не подошел? Может, это Сергея с базы проверяли? Подстраховали чуток и, убедившись, что всё путём, ушли. А здесь я, левый турист. Некстати. А, может быть, и нет. Может, следят. Зачем? Вопрос. Место оживлённое. Завтра встретим встречную группу. Все местные это знают. Значит, они отпадают. Беглые эки? Нет.

Серж правильно сказал, если бы был побег, их бы предупредили. Приехали бы менты и прочее. А что? Что? Ролевые игры, как девчонки предположили. А здесь хоть слышали об этом? Возможно. Интернет он и в Африке интернет. В любом случае придётся предложить игрушку в поход, приближённый к боевой. Да и пацанам проверить себя на стойкость интересно будет, постоять часовым ночью. Да-а, отдохнули. На море отосплюсь.

9

Тропинка вилась вдоль реки на удалении двух-трёх метров по понятным причинам. И через несколько часов она привела нас в относительно благоустроенное место, где была очищенная от камней площадка и даже имелись лавочки, изготовленные из распиленных пополам огромных деревьев. Я специально огляделся вокруг, но таких здоровых деревьев нигде не было. Откуда же их привезли? Просто ради скамеечек?! Чтобы удивить туристов? Всё равно странно.

– Хлопцы, раз уж я вам буду что-то рассказывать и учить, давайте тогда продлим ваши военно-полевые сборы ещё на два дня. Поиграем в Чингачгуков.

– У него Винчестер самозарядный был.

– Не у него, а у Гойко Митича, югославского актёра. Индейцам сплавливали всякое старьё, пользуясь их неопытностью и отсутствием конкурентов.

– Тогда уговорили.

– Тогда сразу выставим часового и начнём готовить ужин.

– Ай да Серый, ай да сукин сын. – Подумал я. – Я только думаю, как им впарить это, а он уже всё чётко по теме крутил. Молодец. – И вслух уже добавил. – Тогда по теме неплохо бы и режущую часть ваших наконечников наточить. Смотрите, вон шикарный гранитный валун. По-моему, судя по следам, его использовали для этого и до нас.

– А чё, точно. Гляди, полосы характерные.

– Ну, бляха муха, точно ролевики здесь тасуются.

– Если ролевики, то хорошо. Есть стимул бдить, чтобы не развели, как лохов.

– Я думаю, в любом случае надо предупреждать о приближении посторонних. А потом мы разберёмся, кто есть кто.

Когда все получили задачу и занялись делом, ко мне подошёл Сергей.

– Ну, что скажешь.

– Да ничего хорошего не скажу. Не нравится мне это. У нас на руках куча детей. Мы отвечаем за них перед родителями. И сами мы родители. Я так понимаю, что ночь делим пополам?

– Это я тебе и хотел предложить. И завтра я, на всякий случай, расскажу ориентиры всего нашего похода.

– Правильно. Кто знает, что в голове у тех придурков. Сереж, ты рукастый, поэтому приделай нож к палке, чтобы было настоящее копьё, а не эта порнография для упокоения детей.

– Правильно. Сделаю. У нас два топорика.

– Один оставь себе – ты физически покрепче. Второй дадим Мишке.

– Согласен.

– Я сова, поэтому вечер мой. Разбужу часа в три.

– Добро. Тогда я сразу после ужина спать, а ты развлекай детишек.

– Добро.

Жидкая пшённая каша с пятью банками тушёнки на казанок, создала сказочное умиротворение и чувство сытости в животе. Кайф. Курорт. Но не для всех.

– Что расслабились, Чингачгуки? Подъём. Каша очень калорийная. Девчонки, подъём. Вы же растолстеете. Потом замучаетесь вес сгонять. Вам это надо? Подъём! Берём в руки копьё, разбились по парам и на исходную. Давай-давай. Так, слушай меня. Мы не в Шаолине. Те ролевики, надеюсь, тоже не оттуда. Поэтому тренируем элементарное. Бьёт сверху вниз, как дубиной. Уклон в сторону. Поднял копьё. Встретил. Отвел вектор удара чуть в сторону. Сопроводил чуть ниже груди и встречным ударом в горло поражаешь врага. Для этого ваши наконечники должны быть острыми. Если бьёт прямо, как штыком автомата, аналогично. Всегда сначала небольшой уход с линии атаки. Буквально полшага бывает достаточно. Будете тренироваться, почувствуете сами. Если остались без оружия, – для вас без разницы. Уход. Отвод оружия. Удар в горло ребром ладони или под основание

носа основанием вашей ладони. Всё делать жёстко, хлёстко. Друг друга не жалеть. Но сначала каждое упражнение повторить в замедленном темпе по десять раз. Сначала ваш мозг должен усвоить матрицу ситуации, ударов, блоков. Здесь не спешить. Медленно. Чётко. Правильно. Мозг будет запоминать ваши действия, чтобы в критической ситуации не дожидаться вас. Запомните это. Это очень важно. Мышечная память быстрее ваших мозгов. От этого может зависеть ваша жизнь. Усвоили медленно – перешли на скорость, но качественно. К отработке приступить.

Чувствовалось, что ребята в группе подобрались хорошие. Они, наверное, и в школе гуляли этой компанией. На праздник и выпивали. Но две бутылки на десятерых – это больше для формы, для поддержания традиций. Такая группа в классе, где человек знает, что он хочет, и понимает, что для этого надо прилагать усилия, всегда хорошая опора и помощь учителю. Но таких, к сожалению, мало. Большинство старшеклассников по осознанию себя находятся на уровне седьмого – восьмого класса. Собственно, это не я сказал, а психологи. Нам же приходится с этим только соглашаться.

– Устали? Правильно. Хорошо поработали. Я доволен. Завтра с утра, вместо физзарядки помутузите себя, чтобы служба мёдом не казалась. А сейчас все на речку. Купальники захватите.

– Что, сто метровку поплывём?

– Типа того.

Когда молодёжь поплескалась, как цыплята в луже, я достал свою противомоскитную сетку.

– Теперь слушаем дальше, Чингачгуки. У индейцев всегда много золота. Вы это видели в кино. Выше в горах добывают золото, значит,.... Правильно. Часть крупинок уходит в отвал и водой сгоняется вниз по течению. Что мы имеем здесь? Небольшая запруда. Судя по тому, что заслонка поднимается вот так, это дело рук человека. Видите, вон рыба. О-о, следопыты. Потихоньку спускаем воду. Ловим рыбу. Татьяна с Леной готовят её нам на завтрак. Лёш, смени часового. Большинство старателей гибнет из-за своей беспечности и эйфории добычи. Мы не такие. Миш, потренируй часового после того, как он поужинает. Потаскай его хорошенько. Не жалей. Здесь жалость опасна. Но сначала – медленно. Помнишь? Молодец. Остальные – зачерпываем песок, грязь и вываливаем на плащ-палатку. Не будем афишировать нашу работу. С палатки песок насыпаете на сетку, но немного, чтобы не порвались ячейки, и вдвоём промываете в проточной воде. Вопросы есть? Нет. Здесь всё просто. На будущее, чтобы не было обид. И еду мы делим на всех,...

– И беду.

– Типун тебе на язык. Если придётся – разделим. И улов тоже разделим поровну на всех. Включая часового, поваров. На всех. Это не обсуждается. Разделим на кучки. Кто-то отвернётся и распределит выигрыш. Понятно? После работы руки смажьте кремом. Работайте, а я обойду территорию. На

всякий случай. Кстати, судя по карте Сергей Степаныча, выше по реке есть надпись – обоо дыбджиты, т.е. шаманское капище духов природных стихий. Сергей там был. Говорит, оно на плоском камне, и водой дождя всё смывается в речку. Поэтому не удивляйтесь, если найдёте колечко. Потом, золотой самородок не такой яркий и красочный, как на обручальном кольце. Чаще – невзрачный. Поэтому все камни складывать в кучу. Потом разберёмся. Понятно? Тогда я пошёл. В случае чего кричите меня по имени отчеству, чтобы я знал, что всё нормально.

Сергей, как и положено жаворонку, дрых на поролоновом коврикe. Михаил натаскивал товарища. Но с педагогической точки зрения, я посчитал нужным сказать своё веское слово.

– Парни, если вы боитесь поцарапать горло, намотайте себе шарфы или какие тряпки. Но работать надо жёще. Не гладить врага, а бить. Разницу ощущаете? Сильный выпад – сильный блок и удар. Неужели вы думаете, что местные пацаны будут вас жалеть. Миш, не забудь распределить часовых. Подъём в семь ноль-ноль. Работайте.

Резко стемнело. Пришлось вернуться на речку.

– Ну как улов?

– Владимир Михайлович, вы не поверите – за полчаса четыре колечка, три сережки и один крестик.

– Если бы я не поверил, то не поставил бы вас здесь морозить руки. А камушки, самородки?

– Есть немного, только мы не уверены, что это золото.

– Посчитайте, сколько их и идите спать. Утро вечера мудренее. Спокойной ночи. Михаил назначит часовых на ночь. Не выпендривайтесь. Учитесь подчиняться. Завтра надо будет пройти почти тридцать километров, поэтому ложитесь спать сразу. Не выспитесь – тяжело будет днем на жаре. Спокойной ночи.

– И вам тоже.

10

Ночь прошла спокойно. Меня, как человека, подняли в семь утра. Позавтракав, мы дали мальчишкам немного помахаться палками. И разминка перед походом, и психологическая подготовка на всякий случай. Но что это будет за случай, очень хотелось бы знать. При дележе добычи колечки решили разделить между девчонками, а остальным досталось остальное. Бывает и такое. Камушек, величиной с фасолинку, достался и мне. Если повезёт, то он может оказаться золотым.

– Что думаешь?

– Сереж, а что тут думать. Хоть ролевики, хоть другие, но нападать в первую ночь не практично. У людей эмоции. Бессонница. Чуткий сон. Завтра все успокоятся, привыкнут к новому. Спать лягут радостные, но спокойные. Сон будет крепкий и здоровый.

– И здесь его можно перевести в мёртвый сон.

– Именно. Одна закавыка – встречная группа.

– Расскажем им.

– Естественно. Но просто скажем, что видели, что следили за нами, а кто и что, пускай сами решают и делают выводы. Они местные – им видней.

– Согласен. Попробуй, объясни им разницу между трусостью и осторожностью, когда у тебя десять детей.

– Я про это и говорю. Тем более, как я понимаю, в других группах детей нет?

– Нет. Только эти.

– И, слава Богу. Не знаю, может, я и паникёр, но хорошо, что мы с тобою вдвоём. Представляешь, как одному. Не посоветоваться, не поплакаться в платочек. Как думаешь, что молодёжь? Догадываются, что мы суетимся или нас за старых придурков держат? Даже, если и держат, то делают это корректно. Мы же этого не чувствуем. Хорошие ребята.

– Да, слава Богу.

11

Судя по крокам карты Сергея, мы прошли примерно пятнадцать километров. Впереди наша каменистая долина достаточно резко переходила в многочисленные густые островки леса, усыпанные огромными многотонными валунами.

– Передать по цепочке – арьергард просит три минуты остановки.

Вскоре отряд остановился, и я, кряхтя и потихоньку матеря доктора, который мне поставил правый протез, поспешил

в голову колонны.

– Сереж, – шёпотом начал я, – не знаю, как ночью, но и здесь очень удобно. Я останусь с тобой. Подтянем Мишку с топориком. Станем спина к спине. Как думаешь?

– Согласен. Лучше перестраховаться.

– И я говорю – лучше потом посмеёмся над собой. Тогда я пару слов скажу им? Ты не против?

– Да нет, конечно.

– Чисто русский ответ. – И уже обращаясь к школьникам. – Учения продолжаются. Учебная точка номер один. Лесополоса. Удобное место для засады. Сначала подготовим себя. Всем зарядить свои посохи кремневыми наконечниками и убедиться, что они держатся крепко. Вдавите их покрепче, но сантиметра три должно торчать, иначе вы не достанете до кожи.

Увидев, как переглянулись между собою мальчишки, я понял, что они о чем-то догадывались. Собственно, свежую лежанку в роще нашли они. Может быть, это и к лучшему – будут бдительнее и при атаке смогут быстрее собраться духом и оказать отпор.

– С деревьев могут скинуть сеть. Поэтому у всех должны быть наготове ножи. Нет. Не в руке. В руках – оружие дальнего боя, т. е. копьё. Вы не должны допустить до себя врага. Врага надо убивать на расстоянии. Не получилось – только тогда нож, зубы, пальцы, чтобы выдавить глаз, порвать рот, укусить за кончик носа, где находится нервный центр,

и, тем самым, вызвать болевой шок. Бьют двумя ладонями по ушам, а потом – в горло, в кадык. В бою нельзя думать. Увидел – бей. Пока ты бьёшь – он защищается. Хуже, когда наоборот. Я видел у девчонок узкие резинки для бигудюшек. Двумя резинками удобно закрепить нож вдоль руки. Только осторожнее с ними, не порвите. После выхода из леса нежененько снимите и отдадите. Порвёте – здесь не купите. Михаил!

– Я.

– Вперёд. Пойдешь головным дозором. Но шагах в десяти. Понял?

– Да чё тут не понять.

– Твоя задача – при нападении ударить с тыла по врагу или отвлечь его в случае наброса на нас сети. Понятно?

– Да.

– Сереж, я всё. Командуй.

Постоянно вглядываясь в деревья и валуны, я периодически смотрел на наше войско. Все были напряжены и готовы к бою. Всё нормально. Лучше пере...., чем не до..... У нас дети. Тем более, четыре девочки. Или за нами наблюдают, или я сам довожу себя до паранойи. Дошли до валуна с мою бывшую дачу.

– Стоп. – скомандовал Сергей.

– Правильно. Миш, как учили. Вперёд.

Мы дождались, пока Михаил пройдёт опасный участок, и после этого с девчонками прошли его сами. После, в колонну

по одному, с интервалом в три шага пришли юноши.

– Как учили плюс практика. Так, кажется, Михаил говоришь. Молодцы. Первая учебная точка пройдена.

Где-то недалеко дважды прокричала какая-то птица.

– Напряжение почувствовали. И это хорошо. Адреналин выплёскивается в кровь, тонизируя организм. Но мы ещё не вышли из опасного участка. Иногда специально не используют удобное место, чтобы захватить врасплох на открытом участке зарывшись, замаскировавшись землёй. Соблюдать дистанцию. Оружие наготове. Смотреть по сторонам. Вперёд. Михаил, на десять шагов вперёд.

Чуть позади, за валуном что-то легко шмякнулось и раздался тихий шелест сползающих камней. Мы переглянулись, но промолчали. По-моему, до девочек тоже стало что-то доходить.

Из лесополосы мы вышли без происшествий. А это главное. На данном участке. Впереди были ещё больше десяти километров пути и ночной привал.

12

Ещё километров через восемь Сергей остановился и показал на проторенную тропку, уводящую в сторону недалёких гор.

– Здесь отворот на тропу повышенной сложности. Группу сопровождают минимум два проводника. В полутора километрах отсюда находится малый обоо Сипай боро. Тоже

шаманское капище. В конце – пещера Дьяман кермес. Типа слуги дьявола. Длина ходов более двухсот метров, но дальше не ходят даже местные. Опасно.

– Названия какие-то – обоо, боро. Обоо, понятно – капище. А боро?

– У нас в деревне араб поселился. Когда началась война в Ливане, он оттуда уехал и купил в деревне дом. Так это араб постоянно на нас кричал Боро! Боро! Прогонял, чтобы мы не таскали у него абрикосы.

– Примерный перевод есть. Осталось слово сипай. Слово эрудитам.

– Вообще-то сипаями называли персидских воинов.

– Хм. Вариант. Воин, пошёл отсюда? Насколько логично?

– Если учесть наличие турхауда и хэбтэгула – воинов дневной и ночной стражи, то для завоевателя это конкретное предупреждение.

– В этом контексте всё складывается. Учитывая, что всё это формировалось лет триста – четыреста назад.

– Слушайте, а я думала, что здесь до гор всего километр – полтора.

– В горах расстояние обманчиво.

– А мы не посмотрим на этого сипая?

– Нет. Это лишних три километра. А у нас график. Не вернёмся в точку до темноты.

– Жаль. Интересно было бы посмотреть на пещеру.

– Доходите до конца и нанимайте проводников. Там сна-

ряжение другое нужно, определённый опыт. Завтра к вечеру будем на месте, там и решите. Пошли.

– Дядь Серёж.

– Что Алексей?

– Посмотрите сюда. Вроде как боролись здесь. А вон платочек валяется. В красном.

– Обожди. Чуток подвинься. Да, похоже. А вот что-то явно засыпано. Принеси веточку, песок разгрести.

В развороченной кучке проступали красно-бурые пятна.

– Томатный сок, кетчуп?

– Обожди. – Сергей поднял с земли кусочек коры и, используя его как лопатку, подхватил один из комочков. Понюхал. – Кислятины томатного сока нет. Приторности кетчупа тоже. Запах есть, но не пойму что это.

– Дай мне. Серёж, когда при тебе забивали скотину, потом порядок наводил свинарь, а ты уходил. А мне приходилось часто лежать в хирургии и в травме. Там вечно протекающие повязки, сочащиеся травмы. Соответствующая вонь. Здесь запах палаты. И я очень надеюсь, что я ошибаюсь.

– А может, это охотники дичь здесь разделявали?

– Тоже вариант. Но дичь разделявают либо на месте, либо несут на стоянку. Почему они на середине пути остановились, и стали её потрошить?

– И следы борьбы.

– И следы борьбы. Вот ещё такая же кучка. Развороши. Что там?

– Ёк-макарёк. То же самое.

– Второго.

– Что второго?

– Второго джейрана здесь распотрошили. Давайте осмотрим местность. На всякий случай. Для очистки совести.

Переглянувшись с Сергеем, мы пошли в сторону, куда вели бороздки явно волочившегося по земле тела. Метрах в ста от тропы был неприметный узкий овраг не глубже пяти метров. На дне валялись срубленные небольшие деревья.

– Серёж, я на протезах туда не слезу. Ты тяжёлый. Давай хлопчика.

– Ты предполагаешь, что он там увидит?

– Когда-то всем предстоит это увидеть. Они уже не дети. Это родители своей любовью делают из нормальных пацанов физических уродов, не способных подтянуться на турнике. Пускай взрослеет.

– Алексей! Михаил! Подойдите к нам.

Любопытство не порок и присуще всем. Звали одних, а пришли все. Что ж, будем взрослеть.

– Леш, мы сейчас обвяжем тебя верёвкой и опустим вниз. Тебе надо посмотреть, что под этим деревьями. Сможешь?

– Наверное, да.

Его обвязали верёвкой, и Алексей подошёл к краю оврага.

– Алеш, обожди. – Сказал я, подходя к нему. – Шепну пару слов. Внизу, перед тем, как оттащить дерево, выдохни воздух и тогда ты не сможешь вскрикнуть и, тем более, за-

кричать, если увидишь что-то неприятное. Там могут быть и потроха горного козла, а может... Короче, ты меня понял. – И отодвигаясь от него, я добавил. – Осторожнее, ногу на склоне не подверни. Опускайся.

Алексей начал спуск, но почти сразу закричал

– Посмотрите, что я нашёл. – И выбросил к нам туристический рюкзак. Мы его осмотрели, но он был пуст. Ещё чуть позже – А здесь вещи из этого рюкзака. Их высыпали сюда.

– Хорошо. Оставь их на месте. Их потом соберут. Спускайся дальше.

Сверху мы наблюдали, как он поудобнее устроился на крутом склоне и потихонечку потянул на себя комель дерева. Что-то увидел и отшатнулся.

– Хорошо, что девчонок не напугал. – Прошептал я Сергею. Он кивнул.

– Ну что там, Алёш?

– Как вы и предполагали. Двое. Мужчины.

– Так. Девочки отошли. Не смотреть. Алёш, откинь ветки, я должен посмотреть. Вон тот – наш проводник. Я познакомился с ним в день приезда. Второй, наверное, турист. На них напали, а они оказали сопротивление.

– А где же остальные?

– Интересный вопрос. И почти вовремя.

– Судя по срубам веток и графика движения групп – это случилось сегодня. Несколько часов назад.

– А куда же их тогда угнали? Впереди и сбоку видимость

десять километров. Никого. И в овраге больше никого нет. Значит, живые. Куда?

– Только пещера. Больше некуда. И местность скрытая.

– Пожалуй, так. Серёж, куда ближе – назад или вперёд?

Посмотри по карте.

– Почти середина, но всё же ближе к финишу.

– Хоть пара километров, но фора. Хорошо.

– К тому же оттуда уже вышла новая группа, т.е. они уже по пути к нам.

– Это уже почти отлично. Серёж, ты проводник. Ты отвечаешь за жизнь людей. Бери девчонок и веди их быстрым темпом вперёд, вызывай помощь. А я и, если будут добровольцы, пойду по тропе к пещере. Освободить их я не освобожу, их там с десятков, как минимум, если целую группу захватили, но ситуацию разведая.

– Владимир Михайлович, мы все с вами пойдём.

– Нет, девочки. Учения закончились. Началась война. А на войне убить могут. Это дело мужчин.

– Тогда мы пойдём. Мы юноши, уже взрослые.

– Не-е, хлопчики. Мы с Михалычем, военные, хоть и на пенсии. Поэтому и пойдём. А вот девушки и пара юношей для охраны и помощи, быстренько пойдут вперёд. Никита и Стас, если придётся подраться, вы худенькие. Поймите правильно. Второй Никита, хоть и худой, но рукопашкой занимается. Смотрите – вон как бы два горба. Видите? Идёте строго между ними. Увидите онгон – это такой каменный идол.

За ним развилка. Уйдёте вправо, в сторону гор. Не перепутаете. Там тропа только одна – не заплутаете. На базе есть гостиница, телефон, рация. Вызывайте помощь и оповестите базу в деревне, чтобы вернули тех, кто пошёл после нас. Понятно? Тогда быстро собирайтесь и пошли.

Минут через десять Степаныч закончил инструктаж и проверил экипировку убывающих.

– Так. Я не слышал, что вам говорил Сергей Степанович. Может, повторюсь. Что на вас нападут – маловероятно. Одна группа пасла нас, вторая захватила их. Они ограничены временем, т.к. туристы идут встречными маршрутами. Они спешат спрятаться, пока не подняли тревогу. Когда поднимут тревогу, зависит только от вас. Вполне может быть, что от вас будет зависеть и наша жизнь. Когда увидите базу, самый боеспособный может уйти вперёд. Здесь может быть на счету каждая секунда. Убитого не оживишь. У вас у всех копыя. Скажу честно, не думаю, что туристов похитили ради выкупа. Здесь конкретно воняет древними ритуалами. В случае опасности вставляйте спина к спине. Но самая главная ваша надежда – это скорость и встреча группы с проводником. Парни, вам поручаем самое важное, что у нас есть, – наших девушек. Не подведите. С Богом.

– Ну что, старая железка, займёмся теперь собою?

– Да. И пожаловаться некому – сам тебя сюда подбил и спровадил.

– Хе-хе-хе. Бродяга. Пробьёмся.

– Да хрен со мной. Я своё отжил. Ребят надо побережь.

– Это от нас с тобой и зависит. Давай посмотрим наш арсенал. Парни, все мешки, всё оружие тащите сюда.

Сергей использовал нож, забранный нами у девчонок, и сделал второе, как у меня, боевое оружие. Его мы отдали Алёшке – высокому, худощавому, но жилистому парню. Никита – рукопашник. Ему близкий бой, спарринг более привычен. У Михаила и Степаныча, помимо кольев, маленькие топорики. Максуду отдали самый длинный нож, после меня, чтобы его приободрить. Надежды на него было мало – чувствовался страх в теле. Пускай махает, может, отпугнёт кого им. Я достал из заначки, в смысле, из своего рюкзака, длинный и мощный кухонный нож, которым я дома разделывал курей. Хорошая сталь спокойно разрезала мелкие кости и хрящи. Этот тесак я примотал скотчем ниже правого колена. Рванув за ручку, лезвие спокойно рассекало плёнку и оказывалось в руке. Попрыгав на дорожку, мы ускоренным шагом пошли по тропе, уводящей в горы.

13

Уже метров через триста мы вышли на песчаный участок и увидели следы людей, ведущие в том же направлении. Плохо было то, что среди следов были следы и женской обуви, и следы голых маленьких ног. Оставалось надеяться, что хоть детей среди них не было.

– Плохо. На подходе к пещере, наверняка выставлен до-

зор. После прохождения заложников мимо них, они усилили бдительность, т.к. по этой дороге спокойно проедет БТР со спецназом на борту. Они сейчас сидят где-то на возвышенности и сканируют местность. Нас увидят и захватят. Достоточно будет одного дробовика, чтобы мы сдались. Мы сами пока делаем то, что не получилось у них.

– И что ты предлагаешь?

– Да ничего не предлагаю! Я просто пытаюсь думать и просчитать на несколько часов вперёд. Давайте обсудим, что мы имеем. Оживлённая туристическая тропа. Запас по времени у них до тревоги и объявления поиска – меньше суток. Значит, будут действовать в ближайшие десять часов. Плюс-минус три – четыре часа. У них девять человек. Среди них – женщины. Женщин быстро гнать бесполезно, т.е. скорость колонны будет ограничена. Чтобы увеличить скорость, надо избавиться от балласта, т.е. убрать женщин. Если им просто потребовались рабы, что оптимальный вариант для заложников, то их могут погнать вечером, чтобы сохранить женщин. Они все местные и луна полная, светит, как прожектор. Навряд ли здесь есть обрывистые скалы с узкими тропками. Это один вариант. Ваши предположения.

– Перепродать. Тогда выходить будут утром и женщины будут балластом.

– Вариант. Но ограниченность во времени, и наши могут поднять вертолёт. Они это учтут наверняка.

– Согласен. Так, призёр олимпийских игр, думай.

– Я призёр не олимпийский, а олимпиадный.

– Именно поэтому и в этой ситуации ты нам более ценен.

У тебя тридцать секунд. Выкладывай всё, что придёт в голову. Даже видимую ересь. Время пошло!

– Их ведут в пещеру. Пещера как-то связана или была связана с дьяволом. Вокруг много капищ и предупреждений об опасности. Вы говорили о половцах, которые ели сырую печень врага. Если сюда подтянуть за уши ещё что-нибудь, то можно предположить ритуал и ритуальное жертвоприношение.

– Молодец. Ты хорошо высказал мои мысли. Сюда же можно добавить, что сегодня полнолуние, при котором чаще всего проводят ритуалы. Причина – не знаю. И сейчас не принципиально. Может, у них через тыщу лет кого вызвать можно, может, посвящение. Тогда им действительно нужно свежее человеческое мясо. Это значит, что резать их будут сегодня ночью.

– Получается три варианта исхода – утро, полночь и вечер.

– Утро маловероятно. Им ещё надо идти, а их уже ищут.

Опасно. Отпадает.

– Правильно. Вероятнее всего или вечер, или ночь.

– Но ориентироваться на вечер.

– Правильно. Но мы абсолютно не знаем местность. Не знаем где дозор и как его обойти. Про оружие я даже и не вспоминаю.

– По обстановке нам, возможно, придётся разделиться.

Сереж, я предлагаю тебе Никиту – рукопашника и Алёшку с копьём, которое можно кинуть. У тебя есть топорик. Мне – Мишку с топориком и Макса.

– Я не против. Парни, вы как?

– Нормально.

– Тогда идём бодро, но главная задача – это заранее вычислить дозор. До вечера время у нас есть. Если лопухнёмся с дозором – нам хана.

– Армейский принцип – самая короткая дорога в столовую – в обход командира. Лучше пойдём зигзагами, но скрываясь за валунами или лесом.

Насколько же обманчив чистый, прозрачный горный воздух. Нам пришлось пройти больше двух километров, пока мы достигли предгорья, с обильной зеленью. Огромные валуны, скатившиеся с вершин во время землетрясений, обеспечивали нашу скрытность, но и за каждым из них могли скрываться враги. А, судя по тому, что два человека уже были убиты, наша встреча могла решаться только или мы, или они. Но насколько мы готовы убивать? Дать по морде лица в драке – это одно, но свернуть шею? Жизнь расставит всё по своим местам. И вот впереди на тропе показалось место очень удобное для наблюдения за местностью. В стороны от него отходили тропки, но они вели вверх, в горы. Были они обводными или уводили в сторону, кто знает? Пришлось разделиться и рисковать, т.к. уходить и возвращаться – непозволительная трата времени. Я с группой ушёл влево.

Макс явно нервничал. В прохладе леса капельки пота стекали по его лбу, слегка дрожали руки. Надеяться на него в бою было нельзя. Собственно, поэтому я и выбрал его себе, создав из группы Сергея боеспособный кулак, убрав слабое звено.

– Миш, судя по времени, мы достигли возможного места дозора. Теперь надо совсем тихонечко, но я из-за протезов не могу красться, поэтому тихо, если надо – ползком, вперёд. Разведай и назад.

– Хорошо. Я постараюсь.

– Постараюсь – предполагает возможность срыва. У тебя нет этого. Максимальная осторожность, тишина, невидимость. Понял?

– Понял. Сделаю.

Как обычно, самое трудное – это ждать. Поэтому я всегда всё стараюсь делать сам, идти и решать сам. Разумеется, если это что-то важное, а не рабочая рутина. Но мои протезы конкретно ограничивали мою подвижность. Понимая умом, что чем дальше, тем безопаснее, я всё равно сильно нервничал, ожидая результата. Макс это видел, и это будоражило его ещё сильнее.

– Макс, в дозоре много народа не ставят. Нет смысла. Одного – тоже. Может заснуть. Обычно – пара, чтоб поболтать могли, в туалет отлучиться. Здесь опасности нет.

– Я понимаю, но меня почему-то трясёт.

– Обычное волнение. Всё дело в диафрагме. Набери пол-

ную грудь воздуха и задержи дыхание. Воздух вернёт её на место. Она, опустившись при волнении, уменьшает объём легких и, как следствие, количество кислорода в мозгу. Отсюда ощущение тревоги, страха. Это всё физиология человека. Ты проходил это в школе. Наша беда в том, что мы в школе предметы проходим. Проходим, а не изучаем. Прощёл и забыл. Вызубрил и забыл. Поэтому после ЕГЭ в ваших головах остаётся максимум треть от тех знаний, которые вы получили за одиннадцать лет обучения. Я учился десять лет, и мои ровесники строят космические корабли, продвинули медицину. Те есть, мы учились меньше, но по тому, что я вижу сейчас, мы были умнее. Сейчас нет конкретных изобретений. Всё по мелочам. Отчасти понятно. В данном случае подтвердилась поговорка, что рыба гниёт с головы. Что ты хочешь? Фурсенко закончил железнодорожный чушок. Даже слушая его речь, его доклады президенту, можно сделать вывод о его интеллекте. Ни на один конкретный вопрос не отвечает, т.к. не владеет ситуацией. Короче, родной брат второго министра от Вооруженных Сил, нашего при.... Сердюкова. Как можно держать не профессионала на должности министра? Понятно – родственные связи. А народ расплачивается. Денег на армию выделяют немерено, а на зарплату не хватает, квартир нет. Самое обидное и поганое то, что никому из них ничего не будет. Их даже в тюрьму не посадят. Потому что их крышуют. Их пожурят в конце, поцелуют в попку и отпустят доживать старость где-нибудь в Швейцарии.

рии. Стоп! По-моему Мишка идёт.

Действительно, это Михаил вернулся из разведки.

– Владимир Михайлович, докладываю. Шалаш. Два человека. Один сидит возле. Второй прогуливается по краю, смотрит вниз. Спокойные. Наверное, нас не заметили.

– И это хорошо. Миш, ты понимаешь, что сейчас произойдёт? Они уже убили двоих. Ночью убьют и съедят остальных. Там женщины. Как минимум. Но могут быть и дети. Мы должны убить этих, чтобы спасти людей. Мы не можем ждать спецназ. Ты это понимаешь. Бей не раздумывая. Не дай твоим мозгам запаниковать. Начинай действовать быстро, чётко и жёстко. Очень жёстко. Тебя не пощадят. Или ты, или нас. Физически ты подготовлен лучше. Ты сильный. На нашей стороне внезапность. Мы победим. Однозначно. Только надо делать быстро, используя секунду их замешательства. Макс, если увидишь, что кто-то из нас схватился с кем-то, подбери момент и ударь сзади. Боишься ножом, бей камнем. Только найди его сначала, чтоб потом не бегать по поляне. Помни, струсишь, не поможешь – убьют сначала нас, а потом всё равно и тебя. Но тебя зарежут и у живого вынут печень. Теперь, когда я вас взбодрил, пошли. Показывай дорогу, командуй. На месте – минимум слов.

Мишкиному отцу можно гордиться – он воспитал и вырастил хорошего человека и парня. Мишка знает, что хо-

чет и идёт к своей цели. Почти отличник, занимается спортом полупрофессионально для здоровья, реально смотрит на жизнь. Зависть плохое чувство, но я с грустью смотрел на него, осознавая, что у меня нет, и не будет сыновей. Зато у меня есть чудесные дочери, за которых я постоянно благодарю Бога.

Михаил быстро уверенно и беззвучно скользил между деревьями. Я, со своими протезами, имитируя скрытность, прыгал вокруг коряг и камней, как тот Паниковский с гусем в руках. Запыхался, пот градом, но не крикнешь, не притормозишь. А тут ещё Макс добросовестно переламывал все ветки, мимо которых шёл. Но эту проблему решить было в моих силах.

– Макс, тебе не приходило в голову смотреть под ноги? Иди медленнее, но осторожнее. Не наступай, а переступай. Задержись, но не теряй меня из виду, и смотри, какие знаки я буду тебе передавать.

Успокаивало одно – наш следопыт идёт прямо и перед опасностью заляжет. Тут его я и догоню. Так и получилось.

Кряхтя и опираясь на копьё, я потихоньку опустился на колени рядом с Михаилом, укрывшись кустом от абреков.

– Интересно, а где наши? Хорошо бы, если они оказались здесь. Но помощь вовремя приходит только в американских боевиках. У наших может не оказаться бензина в баках, т.к. прапор слил его в свою машину. Сергей Степанович толковый мужик и офицер. Он всё сделает по ситуации. Главное,

чтобы мы не подвели их.

Дозорные о чём-то переговаривались на своём языке, иногда смеялись. До них было относительно далеко. И хотя у них не было видно огнестрельного оружия, ещё не факт, что оно не лежало в шалаше. Попробуй, добеги до них. У них, вон, на поясах, какие кинжалы висят. А все горцы с детства с ними ходят, привыкают к оружию. Не то, что мы – вымирающие славяне, не державшие в руке ничего тяжелее ложки или компьютерной мышки. Это я о нашей молодёжи. Моё поколение вымрет, они останутся. До вечера ещё далеко, будем ждать.

Наконец-то один из них решил размяться и пошел вдоль обрыва к деревьям. Если гора не идёт к Магомеду, то нам пришлось идти за ним. Макса мы оставили на месте. От греха подальше. Высоко на дереве цокала белочка и абрек, задрал голову, выскивал её взглядом.

– Миш, выжди, когда он повернётся к нам спиной. Представь, что ты в школьном тире. Сделай шаг из-за дерева и сильно кидай в него. Неважно, если топор ударит не остриём, а обухом. Ему всё равно будет больно. Он потеряет секунды, а мы успеем подбежать к нему. Главное – кидай сильно и не промахнись. Я чуть выползу поближе к нему.

Проверив прочность крепления ножа на древке, я начал подкрадываться к абреку. Белка перескочила на другое дерево и оказалась точно надо мной. Этот лопух – дозорный, также с задранной головой повернулся к нам. Михаилу по-

везло. Топор ударил часового обухом в горло, вдавливая кадык и ломая шейные позвонки. Ничто не нарушило тишину и покой гор. Михаил убил человека, но здесь не было фонтанов крови и криков боли, так сильно деморализующих начинающих убийц, как их не называй – защитник Отечества или бандит. У них в основе – убийство человека. И убийство это осмысленное. Разница только в мотиве и стимуле. Мы сняли с трупа пояс с кинжалом, и Михаил надел на себя свой боевой трофей.

– Рыцари всегда забирают себе доспехи проигравших.

– Но это в честном поединке.

– Да. На турнире. А ты на войне. И будешь дураком, если не воспользуешься ударом со спины, чтобы убить врага. Враг изворотливый, хитрый, сильный. Он может знать хитрость, которую не знаешь ты и этим победить тебя. Не рискуй. Не будь глупцом. На войне нет кодекса чести. На войне одно правило – убей его, чтобы он не убил тебя. Зачёт сдал. Молодец. Пошли, а то наш чудик ещё вздумает покашлять или чихнуть. С него станет.

Оставшийся дозорный оставался в счастливом неведении о судьбе своего товарища.

– Я обойду его с тыла. Как увидишь меня, беги к нему и кидай топор. Я побегу с той стороны. Понял?

Прокравшись за деревьями, я приготовился к атаке. Но и дозорный забеспокоился долгим отсутствием напарника. Он встал и начал что-то кричать на своём гортанном языке.

Не хватало ещё, чтобы он хватался за оружие. Я рванул вперёд. На полпути увидел пролетевший мимо топорик. Абрек, вытащив кинжал, уже устремился к Михаилу, но тут острие моего копья вошло в его печёнку. Я с силой пропихнул лезвие глубже, а потом всадил его ещё раз в левую почку. Пролилась первая кровь, и эту кровь я взял на себя. Это случилось случайно, но иначе, и быть не могло. Мы не банда, повязывающая подельников кровью.

Когда началась Первая Мировая война, все ехали на неё с радостью, думая быстро победить врага и героями вернуться на Родину. Но война затянулась. Жизнь в окопах, смерть, газовые атаки, увечья так повлияли на морально неподготовленных людей, что в армии стали появляться сотни людей с конкретными отклонениями в психике. У внешне здоровых, не раненых людей пропадало зрение, появлялись конвульсии. Люди сходили с ума, у них конкретно ехала крыша головы. В армии было много смерти, много идиотов, но в армии не было психиатров, способных помочь таким больным.

Во время войн в Чечне, командиры старались после трёх месяцев боестолкновений отводить солдат на отдых, позволяли напиться, чтобы снять с себя этот психологический груз. Психика призывников сформирована на гиперопеке матерями своих оболтусов, пьющих водку и тискающих девочек, но возложивших все свои заботы на своих родителей. Кавказ, горцы. Вот с кого надо брать пример. У них уважают старость. Уважают женщину – мать. У них юноша – это

мужчина.

15

Нейтрализовав дозор, мы, естественно, попытались найти нашу вторую группу, но тщетно. Три пары глаз обшарили склоны гор, но никаких признаков жизни или движения обнаружено не было. Как мы и предполагали, тропинки могли увести далеко в сторону. Радости мне это не добавило. Успокаивало одно – ещё с лейтенантской поры я взвалил на себя бремя ответственности за других. Я привык отдавать приказы и нести ответственность за них. Иначе нельзя. Иначе ты не офицер, а прапор на складе. А то, что ты инвалид, с протезами на ногах, ничего не меняет. Офицеров бывших не бывает. Единственное, подумал с грустью, что хотел, как лучше, а получилось, как всегда, – слабое звено, в лице Макса, не ушло в горы, а осталось при мне. Хотя, если вспоминать собственную установку на поход, наша задача – рекогносцировка, выяснение ситуации и доклад спецназовцам по их прибытию туда. Моими устами да мёд пить. Но у меня аллергия на пыльцу и, соответственно, на мёд. И здесь всё не как у людей.

Обыскав вещи дозорных, мы не нашли огнестрельного оружия, только хлеб, армейская фляжка с архой – водкой из кобыльего молока, хурут – сушёная твёрдая творожистая масса, используемая в качестве сухпайка, и трёх литровая полиэтиленовая баклажка с газированной минеральной во-

дой. Собственно, что ещё хотеть. Это не блок – пост, а дозор. Их задача увидеть и вовремя предупредить. Охранять и оборонять будут другие.

– Владимир Михайлович, может, поедим?

– Нет. Парни, у нас мало времени. Если готовится жертвоприношение, то нам придётся ввязаться в драку, чтобы спасти людей. Мы начнём, а те мужики, увидев нас, помогут нам. В драке можно получить ранение в живот. Если у тебя там будет пища – хана. Могут не спасти. Лучше будет, если кишки будут пустыми и чистыми, как после клизмы. Потерпите. Бабы, вон, после шести вечера не едят, худеют и ничего, выживают. Потерпим. Ещё недолго осталось и немного. Воды попейте. Она быстро всасывается в организме. Пошли.

Привычным порядком – впереди, на удалении десяти шагов, шёл Михаил, потом – мы с Максом. Когда Михаил остановился, я понял, что мы добрались до пещеры.

Слева от входа в землю был закопан онгон – каменный идол, а перед ним – полутораметровое обоо, в виде пирамиды, сложенной из черепов животных. Справа возвышался туг – штандарт, украшенный белым конским хвостом. Под его древком стоял воин с самым настоящим копьём в руке и большим кинжалом на поясе.

– Миш, заходишь справа. Ждёшь. Я появляюсь. Он поворачивается ко мне лицом. Ты поднимаешься. В левой руке топор. Правой кидаешь мое копьё. Только сейчас старайся кидать не в горло, как ты снайперски это сделал накануне,

а в спину. Он хоть и худой, но спина пошире будет. Топор не кидай, т.к. если промахнёшься в него, попадешь в меня, потому что я буду бежать на него. По-возможности, быстро. Топором вдаришь по башке. Понял? Давай, занимай позицию. После тебя пойду я. Сигнал к атаке – моё появление, и его поворот ко мне. Понял? Работаем.

За это короткое время мы с Михаилом сработались и стали понимать друг друга с полуслова, но я не мог рисковать, уповая на что-то и недооценивать врага.

Наш манёвр прошел успешно, и операция прошла без потерь с нашей стороны. А у врага был минус один. Уже третий. Но сколько этих минусов внутри? Впереди была пещера, коридор с отводами, где в любом из них могли быть люди, была темнота. На улице темнело. Не у кого из нас не оказалось часов, поэтому нам только оставалось надеяться и уповать на то, что наши девушки уже встретили группу, и их проводник уже предпринимает конкретные действия, а это, значит, помощь скоро придёт. Мы очень на это надеялись. Каждый. Внутри себя.

– Парни, вселенская, моронтийная мудрость рекомендует – поступай, как должно, и будь, как будет. На всё воля Божья. Господи, помоги нам. А если суждено погибнуть, прости нам грехи наши и спаси души наши, не погуби нас с нечестивцами. Но на всё Твоя воля. Аминь. Скажите все – аминь.

– Аминь.

– Молодцы. Мы же христиане. А в Библии написано, что

кто призовет Имя Моё, не оставлю во век. А ещё в Малахии три написано, что он Господь Саваоф, он неизменен, и слово его неизменно, и только потому мы ещё живы. А Саваоф – это Господь воинства. Как раз по нашей теме. Господи, благослови. Пошли.

И мы вступили в полумрак пещеры, который вскоре стал просто мраком.

– Правой рукой держитесь за стенку, чтобы не заблудиться и не оторваться от меня. Говорим только в экстренном случае. Что-то надо – догони, дотронься, прошепчи на ухо. Ногой по земле не волоките, будете загребать камни. Макс, по дороге подбери пару крупных камней. В случае заварушки крикни, чтоб пригнулись. Убедившись, что тебя услышали, кидай. Но убедившись! Пока будет переваривать твой камень, я угощу его копьём в живот. Миш, намотай на левую руку тряпку. Принимай удары на левую и бей правой. Теперь, по-моему, всё. Пошли.

Было не понятно, точнее, не видно – чисто природный это был проход или благоустроенный и доработанный людьми в угоду туристам, но моё копьё спокойно помещалось по высоте, позволяя опираться на него, как на бадик. И это меня вполне устраивало. Но впереди была не только темнота, но и тишина. Абсолютная. Так хотелось каких-то звуков, какой-то ясности. Я желал этого, я боялся этого – ведь шум будет началом конца.

Когда идёшь в темноте, когда идёшь в тишине, простран-

ство и время меняются. Может, это зависит от темперамента, потому что у некоторых десять минут растягиваются в час, а у некоторых час пролетает, как двадцать минут. Моё напряжение и постоянное ожидание боя, растягивало время, и растягивало конкретно. Мне казалось, что прошло уже больше часа, хотя мой разум говорил мне, напоминая, что длина пещеры не больше двухсот метров. Да, она длиннее, но местные дальше не ходят – боятся.

И, наконец-то, я услышал звуки. Не шум, а именно звуки. Это была запевка кавказских песен, когда одну букву долго поют в разной тональности. Потом полилась песня. Украинские и кавказские песни моя слабость. Этой песне я был рад вдвойне – она скрывала шумы нашего движения и ориентировала нас, как по направлению, так и по расстоянию.

Мы вышли к большой пещере размером в половину футбольного поля. По стенам располагались факелы, еле освещавшие контуры помещения. Но наличие факелов у ходящих в темноте людей, помогло нам немного сориентироваться, и даже определить коридор, куда чаще всего заходили люди, подсвечивая себе факелом. В центре зала находилось десятка полтора-два человек, которые и пели песню. В темноте я нащупал руку Михаила и прошептал

– Нормальная песня, на ритуальную или боевую не похожа. Вернёмся наружу и там подождём часик. Будет смена караула. Попробуем взять языка и узнать что к чему и во сколько.

Дорога назад всегда короче.

16

На улице была ночь, но ярко-жёлтый блин над нашими головами заливал голубым светом всё вокруг, позволяя рассмотреть даже мелкие камни.

– Да-а, местные шаманы своё дело знают. Выбрали Луну не абы как. Располагаемся. Пока время есть перекусим. Хлеб убираем. Поедим творожных шариков, попьём водички. На час-полтора хватит. Костёр разводить не будем, чтобы не пришлось смотреть со света в темноту. При выходе караула я бью копьём последнего. Михаил – предпоследнего. Макс, ты должен просто обхватить руками самого первого и держать, пока мы будем решать вопросы с остальными. Сколько бы их не было. Всё равно их будет меньше, чем там. А сейчас их там не меньше двадцати человек. И то, это только те, кого мы увидели. Плюс охранники заложников. Как учил один французский король – разделяй и властвуй. Будем разделять и уничтожать по частям. А пока пойду, сделаю растяжку. Хочу обвязать камни верёвкой и растянуть поперёк. Заденут ногой – загремит, нас оповестит. Располагайтесь поудобнее. Макс, будешь выпрыгивать из-за черепов. Кстати, вначале можешь вдарить его палкой. Не бойся, не убьёшь. Бей сильнее, потом держать легче будет.

Подготовившись и устроившись, мы уселись отдыхать.

– Владимир Михайлович, вы накануне сказали про мо-

ронтийную мудрость. Что это? Я никогда не слышал этого слова. Я люблю книги читать по психологии, философии, но нигде не встречал.

– Моронтия. Из этой субстанции состоит человеческая душа нашего плотского тела. Это будет субстанция нашего будущего тела, если нашу душу, в день Божьего Суда, сочтут достойной вечности. Как ваши школьные учителя проходят курсы повышения квалификации, так и такие новые тела пройдут краткий, но долгий по времени и длительный по расстоянию, курс обучения, где нам дадут азы этой моронтийной мудрости. Моронтийная мудрость – это второе значение этого слова, которое я знаю. На моронтийной мудрости основывается человеческая мудрость, мудрость наших мудрецов и пророков.

– Владимир Михайлович, я разговаривал в деревне у бабушки со священником. Он тоже говорил мне о бессмертной душе, о воскресении, о новом теле. Так вы считаете, что мы воскреснем не в своём теле, а в этом – моронтийном?

– Да, я в этом уверен. Если кого посчитают достойным, то он будет в такой субстанции, пока, не окончив эти курсы, будет вновь преобразован до состояния духа, что ещё круче, т.к. это совсем рядом с подобием и образом Бога, как написано в Библии. Бог есть Дух. Мы с вами его никогда не увидим, т.к. наш глаз не способен увидеть моронтию, тем более – дух. Хотя, в некоторых случаях, человеку позволяют увидеть моронтийных существ. Это, как пар над кипящей кастрюлей.

– Типа приведения в замке?

– Возможно. Я никогда сам не видел. Или недостоин, или необходимости не было.

– А расскажите, что сами знаете про эти тела, это состояние. Любопытно знать, что нас ждёт потом.

– Попробую. Я много читал. Специально искал литературу на эту тему. Простудировал Библию. Перекопал интернет. Вы знаете, что зафиксировано шестнадцать случаев явления Иисуса Христа после Его смерти? Он являлся и персонально, например, к своему плотскому брату в доме Лазаря. Того, кого Он оживил через три дня смерти. И огромным аудиториям, например греческим философам – его последователям и другим церквям во время их собраний. Они отмечают, что Он был внешне неузнаваем, но, когда Он начинал говорить, абсолютно все понимали, кто стоит перед ними. Иисус был в своём моронтийном теле, которое отличается от плотского.

– Шестнадцать раз?

– Да. И это можно найти в рукописных текстах.

– Обалдеть. Я никогда этого не слышал.

– Вообще-то религиозная верхушка дозирует и фильтрует доводимую до нас информацию, но почему это не афишируется, я не понимаю. Ведь это же явное подтверждение божественности Иисуса, как Бога, воплотившегося в смертного человека. Трудно рассказать о формах нашей моронтийной личности, предназначенной для продвижения в нашей

локальной вселенной в сторону Рая. А Рай существует. Поверь. Мы будем наделены моронтийными структурами проявления личности, а такие одеяния, в конечном счете, недоступны нашему пониманию. Хотя эти формы полностью реальны, они отличаются от тех энергетических структур материального типа, которые сегодня понятны нам. Тем не менее, они служат тому же назначению там, в небесах нашей вселенной, что и наши материальные тела здесь на планете.

В некоторой степени внешний вид материальной телесной формы соответствует характеру индивидуальности личности. В ограниченных пределах, физическое тело действительно отражает нечто, присущее природе личности. В еще большей степени это относится к моронтийной форме. В физической жизни смертные могут быть внешне прекрасными и внутренне уродливыми; в моронтийной жизни, и тем более на ее высших уровнях, форма личности будет зависеть непосредственно от характера ее внутреннего содержания. На духовном уровне внешняя форма и внутренняя природа начинают приближаться к полному отождествлению, которое становится всё более совершенным на возрастающих духовных уровнях. Поэтому, какова будет наша личина потом, отчасти зависит, какими мы сделаем себя здесь.

– И все люди умрут?

– Из числа нас и нам подобных? Да. Не умерев, человек не сможет воскреснуть. Мы, как змея, должны скинуть обветшалую оболочку, чтобы облачиться в новое, в вечное.

– Если честно, страшновато. В молодости или, не обладая информацией, – да. Но я уже настолько пропитан этой информацией, что даже этот запас позволяет мне просто ждать этого часа. Я принял, как факт, прощение Отцом Небесным моих вольных и невольных грехов, и признаю, и проповедую, как естественное, что Иисус есть мой Господь, мой Бог и Владыка нашей вселенной. Я просто живу и просто стараюсь не грешить, т.е. отношусь к людям, как мне хотелось бы, чтобы они относились ко мне. Стараюсь любить людей, если не как себя, то хотя бы, как родственников, которым я не сделаю подлянки. Типа того. А что касается смерти? Мы обычно признаём только один вид смерти – физическое прекращение жизненных энергий. Но в действительности существуют три вида смерти, имеющих отношение к сохранению личности:

1. *Духовная смерть (смерть души)*. Если смертный человек окончательно отвергает продолжение жизни, если, по общему мнению Духа Отца, пребывающего в каждом из нас, и сохраняющегося серафима он объявляется духовно безнадежным, моронтийно несостоятельным, то после регистрации этого единодушного суждения на небесах, там распоряжаются о немедленном освобождении этого человека от Святого Духа. Однако это освобождение никак не влияет на обязанности личного или группового серафима, т.е. ангела – хранителя, связанного с тем человеком, которого покинул дух. Дух покинул, но душа осталась. Такой тип смерти явля-

ется окончательным по своему значению, независимо от временного продолжения активности живых энергий физического и интеллектуального механизмов. С космической точки зрения, смертный уже мертв; продолжающаяся жизнь говорит всего лишь об устойчивости материального импульса космических энергий.

2. *Интеллектуальная смерть (смерть разума)*. Когда жизненно важные контуры, связанные с деятельностью высших вспомогательных духов разума, нарушаются из-за помятения ума или вследствие частичного разрушения, внутренний Дух Божий немедленно освобождается и отбывает на Сферу Божества. В архивах вселенной личность смертного считается умершей при любом разрушении жизненно важных интеллектуальных контуров, необходимых для волевой деятельности человека. Это тоже смерть, независимо от продолжающегося функционирования живых механизмов физического тела. Без волевого разума тело более не является человеческим, однако, согласно предшествующему выбору человеческой воли, душа такого индивидуума может сохраниться.

3. *Физическая смерть (смерть тела и разума)*. Когда Дух Божий остается в прибежище разума до прекращения его функций как интеллектуального механизма, то есть примерно до того момента, когда измеримые энергии мозга прекращают свои ритмические, необходимые для жизни пульсации. Вслед за этим разрушением Дух покидает исчезаю-

ший разум столь же просто, как когда-то появился, и через небеса, через космос направляется на Сферу Божества.

После смерти материальное тело возвращается в мир природы, из которого оно было извлечено, однако два нематериальных фактора сохранившейся личности остаются: предсущий Настройщик Сознания, т.е. наш Дух Божий, который вместе с копией памяти о прожитой смертной жизни направляется на Сферу Божества, а также бессмертная моронтийная душа скончавшегося человека, остающаяся в распоряжении хранителя судьбы – ангела хранителя. Эти аспекты и формы души – эти некогда кинетические, а ныне статические формулы индивидуальности, – обязательны для восстановления личности в мирах моронтии. Вы понимаете, чем отличается статика от кинетики? И именно воссоединение вернувшегося в судный день Духа Святого с душой является тем, что восстанавливает сохранившуюся личность, возвращает нам сознание в момент моронтийного пробуждения.

Тем, у кого нет личных серафических хранителей, в смысле – личного ангела – хранителя, им служат групповые хранители, сохраняющие индивидуальность и воскрешающие личность. Серафимы незаменимы для воссоздания личности. Есть ещё херувимы, но они выступают помощниками у серафимов, и со смертными не общаются.

После смерти, Дух, пребывавший в нас, временно теряет личность, но не индивидуальность; человеческий подопечный временно теряет индивидуальность, но не личность. Вы,

наверное, не читали Библию, но там есть место, где Иисус говорит, что на небе есть много обительских миров. И вот там, в обительских мирах оба они воссоединяются, проявляясь как вечная сущность. Покинувший тело и землю Дух, который, более точно, называется Настройщиком Сознания, никогда не возвращается сюда в виде существа, в котором он пребывал в прошлом; личность никогда не проявляется без воли человека; после смерти лишенный Настройщика человек никогда не проявляет активной индивидуальности и не устанавливает какой-либо связи с живыми существами земли. Такие лишенные Настройщиков души являются полностью и абсолютно бессознательными в течение своего долгого или краткого сна смерти. Какое-либо проявление личности или способности вступать в общение с другими личностями невозможно вплоть до завершения процесса восстановления. Тем, кто отправляется в обительские миры, не разрешается отправлять послания своим любимым, оставшимся на земле. Запрет на такие сношения до окончания текущего судного периода практикуется во всех вселенных. Я, надеюсь, вы понимаете, что в огромной, бесконечной вселенной просто не может не быть ещё обитаемых планет. Я читал, что в нашей Системе шестьдесят одна планета, подобные земле. Я думаю, со временем астронавты подтвердят это. А пока остаётся просто верить или не верить в это.

– Интересно. Владимир Михайлович, а вот эти капища, ритуалы. Вы про них читали? Можете что-нибудь расска-

зять? Времени ведь ещё полно у нас.

– Читал. Кто-то увлекается компьютерными играми. Тратит на них время и деньги, хлеще, чем на наркотики. А я же, подобно архивной крысе, предпочитаю знания, а т.к. никаких откровений, как у пророков, у меня нет, поэтому я выуживаю тексты. Ритуалы, жертвоприношения. Что тут скажешь? Понятно, всё это идёт из невероятной глубины истории эволюции человека.

Первобытный человек полагал, что он в долгу у духов и должен вернуть этот долг. В понимании дикаря, духи имели все основания навлечь на него намного больше несчастий. Со временем это представление вылилось в доктрину о грехе и спасении.

Уже в древности дикарь был глубоко уверен в том, что духи испытывают высшее удовлетворение, взирая на несчастья, страдания и унижения людей. Первоначально человека волновал только грех действия, однако впоследствии его стал беспокоить грех бездействия. Вокруг этих двух понятий сформировалась вся последующая система жертвоприношений. Этот новый ритуал выражался в соблюдении обрядов умилоствления. Первобытные люди считали, что с помощью особых ритуальных действий можно завоевать расположение богов. Только развитая цивилизация признает неизменно спокойного и благосклонного Бога. Искупление являлось, скорее, гарантией от ближайших несчастий, нежели вкладом в будущее блаженство. И все ритуалы уклонения,

заговора, принуждения и умилоствления сливаются друг с другом.

Как часть религиозных обрядов, жертвоприношение, наряду со многими другими ритуалами поклонения, не имело простого и единого источника. Тенденция склоняться перед могуществом и падать ниц в боготворящем обожании в присутствии тайны знакома по раболепству собаки перед своим хозяином. От порыва к поклонению до акта жертвоприношения – один шаг. Первобытный человек измерял ценность своего жертвоприношения испытываемой болью. Когда жертвоприношение впервые стало атрибутом религиозного обряда, приношением считалось только то, что причиняло боль. К первым видам жертвоприношения относились такие действия, как выдирание волос, разрезание плоти, членовредительство, выбивание зубов и отрезание пальцев. С развитием цивилизации эти примитивные представления о жертвоприношении были подняты до уровня ритуалов самопожертвования, аскетизма, постничества, лишений и последующей христианской доктрины об очищении через страдания, муки и умерщвление плоти.

Уже на раннем этапе развития религии в ней появились две концепции жертвоприношения: представление о жертве-даре, которое подразумевало отношение благодарения, и жертве-долге, которое включало понятие возмещения. Впоследствии появилось представление о заменах.

То, с чем столкнулись мы с вами, – половцы, кипчаки, сы-

роеды, поедание сердца, печени или какого другого органа, человеческие жертвоприношения, всё это тянется оттуда же.

Современные представления о раннем каннибализме в корне неверны; он был частью нравов древнего общества. Хотя каннибализм традиционно вызывает ужас у современных цивилизованных людей, он являлся составной частью социальной и религиозной структуры первобытного общества. Практика каннибализма была продиктована групповыми интересами. Она возникла под давлением необходимости и поддерживалась рабской зависимостью от суеверий и невежества. Это был социальный, экономический, религиозный и военный обычай.

Древний человек был людоедом. Ему нравилось человеческое мясо, и потому он предлагал его в качестве жертвенной пищи духам и своим первобытным богам. Так как призраки-духи представляли собой всего лишь видоизмененных людей, и так как пища являлась первой потребностью человека, то она должна была быть таковой и для духа.

Некогда каннибализм был, чуть ли не всеобщим явлением среди развивающихся рас. Он был свойствен всем сангикским расам, т.е. родоначальникам жёлто-, красно-, черно- и других кож людей. Они зародились на севере Индии, и оттуда мигрировали и в Африку, и вплоть до Испании и американского континента, когда он был еще связан перешейком с нашим Дальним Востоком. Однако первоначально он отсутствовал у истинных первобытных людей, т.е. людей произо-

шедших от приматов. Типа неандертальцев. У них каннибализм появился лишь после того, как они полностью смешались с цветными эволюционными расами. Э-э-э, вообще-то есть исключение. Никогда себе подобных не ели в огромном духовном центре, основанном прямым и чистым их наследником – праправнуком нашего первочеловека. Звали его, кажется, Бадонан. Этот центр просуществовал почти пятьсот лет, и находился на северо-западе Индии и, частично, на территории современного Афганистана.

Вкус к человеческому мясу рос. Употребление в пищу человеческой плоти – из-за голода, как атрибут дружеских отношений, из мести или как часть религиозного ритуала – превратило каннибализм в привычку. Людоедство возникло из-за скудости еды, хотя обычно это не являлось основной причиной. Тем не менее, за исключением случаев голода, эскимосы и истинные первобытные редко становились каннибалами. Красные люди, в особенности в Центральной Америке, были людоедами. Когда-то первобытные матери, по своему обыкновению, убивали и съедали собственных детей, чтобы восстановить силы, потерянные во время беременности, а в Квинсленде до сих пор нередко убивают и съедают первого ребенка. Еще относительно недавно к каннибализму преднамеренно прибегали многие африканские племена в качестве военной меры для запугивания своих соседей.

Людоедство возникало в те времена, когда человек остро

испытывал ненависть к своим врагам. Поедание человеческой плоти стало частью торжественной церемонии возмездия. Считалось, что таким образом можно было уничтожить дух врага или же слить его с духом съедавшего плоть человека. В свое время широкое распространение получила вера в то, что колдуны приобретают свои способности благодаря людоедству.

Некоторые группы людоедов употребляли в пищу только членов своих племен. Такая фишка якобы подчеркивала племенную солидарность. Правда, они также ели врагов – из мести к ним и с целью присвоить себе их силу. Считалось, что когда съедается тело друга или соплеменника, его душе оказывается честь, в то время как пожирание врага служило мерой наказания. Разум примитивного человека, сами понимаете, не претендовал на логичность.

17

Внутри прохода что-то загремело и послышалось тихое ругательство.

–Сработало. По местам!

Из темноты свода один за другим появились пятеро воинов. Тем хуже для них. Выпад, укол, возврат. Удар, возврат. Но второго я только подрезал, и он со стоном прислонился к стене. Когда врагов много, нельзя заикливаться на одном. Убил, ранил – его проблемы. Бей оставшихся, а с этими потом разберёшься, если останешься жив. Краем глаза увидел,

как Макс, в обнимку с кем-то, упал на землю. Мишка молодец – ударами топорика он порасшибал своим противникам головы и уже добил моего подранка. Ударом ноги в голову я успокоил пленника.

– Макс, ты молодец. Каким орлом ты налетел на него. У него просто не было шансов. Так держать.

По-моему, Макс немного успокоился после этой своей первой победы. Победы, скорее над собой, чем над врагом. И даже почувствовал себя немного воином. Перед первым боем у любого мужчины страх. Страх остаётся и потом, но потом мы начинаем им управлять и контролировать. Страх переходит в осторожность. Из Макса еще вырастит настоящий мужчина. Если, конечно, он не погибнет за эти сутки.

– Макс! Быстро хватай этих за ноги и оттаскивай в темноту. Михаил, пленника подхватил и вниз. Там пытать будем.

Чтобы Макс не раскис, пришлось помочь ему с уборкой территории и ещё раз похвалить.

Пленника мы посадили на землю спиной к дереву и привязали. Чтобы хоть чуть-чуть снять стрессовое состояние, я от души надавал ему пощёчин, типа я привожу его в чувство. Немного помогло.

– Слушай меня, абрек. Как тебя зовут? – По большому счёту, мне было по барабану, как его зовут. Мне надо было убедиться, что он понимает по-русски.

– Серго.– Угрюмо сказал он, с ненавистью оглядывая нас.

– Серго, ты капитально вляпался. Ты в дерьме выше кры-

ши. Кричать бесполезно, т.к. далеко от пещеры. Даже, если ты и закричишь, сам понимаешь, внутри никто тебя не услышит. Тебя услышат только наши, которые готовят штурм. Штурм будет через десять минут, поэтому я тебя нет времени. Я не хочу, чтобы пострадали наши люди. Особенно, заложники. Поэтому, или ты говоришь, и говоришь быстро, кто, зачем, сколько, где и когда, или я начинаю тебя быстро шинковать на куски до тех пор, пока ты мне не расскажешь то, что я хочу узнать. Но для тебя это будет уже поздно. Пока у тебя есть шанс спасти свою жизнь и своё мясо. Погляди на мой нож. – И я повернулся к нему правым боком, где у меня на голени был примотан здоровенный кухонный тесак. – Он спокойно перерубает пальцы. И начну я с указательных и больших пальцев на обеих руках. Ты, если выживешь, даже посс....., как нормальный мужик не сможешь. Будешь просить об этом. Ты этого хочешь? Хочешь, я спрашиваю!? Хочешь!? Вот и молодец. Говори. Но только быстро. Сколько вас, где заложники, как пройти. Говори, говори.

– Всего нас тридцать два человека. Ещё владыка и два его жреца. Они его телохранители. Но он живет глубоко в пещере, и сейчас его с нами нет.

– Дальше.

– Заложники в комнате справа от большого зала.

– Это там, где вы песню пели?

Он с удивлением посмотрел на меня.

– Я же говорю, что у нас всё под контролем. Говори. Где

и как распределены ваши люди?

– Да никак. Все сидят там. Кто хочет – сидит, хочешь – пой. Все ждут начала ритуала.

– С этого момента поподробнее.

– Да всё просто. Мы все прямые потомки кипчаков. Наши прадеды воевали ещё с ханом Батыем. В смысле, на его стороне. В один из походов отряд наших предков оставили здесь для сбора дани. С тех пор мы здесь и живём.

– А заложники – то вам зачем?

– Как зачем? Чтобы пройти обряд посвящения в мужчины. Он проводится раз в десять лет, и мы все съезжаемся сюда. В смысле, те, кто не прошёл обряд.

– Ну, дальше, дальше. Заложники зачем? Зачем обряд? Что он вам даёт? Смысл? В чём фишка? Говори!

– Ну, как зачем? Мы печень жертв приносим в жертву, сердца разрежем и съедим. Яички сварим и тоже съедим.

– Яички? Ты хочешь сказать, что...

– Ну, да. Печень – богам. Сердце – мужество и отвага. Яички – неутомимость в жизни и бою. После этого мы станем настоящими мужчинами достойными наследия Чингисхана.

– А он-то здесь причём?

– Как это причём!? Он скоро возродится, и его армия, как и прежде, пройдет с огнём и мечём от Китая и до Испании. Он завладеет миром. Он вновь станет великим ханом, потрясателем вселенной.

– И ты в это веришь?

– Да. Нам это сказал владыка. А всё, что он говорит, сбывается. Он у нас пророк.

– Понятно. Когда и как будут казнить заложников?

– В смысле, приносить в жертву?

– Да. Когда, через, сколько и как?

– Да, в принципе, она уже начинается.

– А почему же ты тогда здесь? Или ты уже питался плотью.

– Нет. Я сменю караул. Наши, ну те, что вы убили, они помощники владыки, они кешиктены – воины гвардии, прошедшие ритуал. А те, кто сейчас стоит на постах, ещё нет. Там пока поют. А тут и мы вернёмся.

– А к заложникам можно пройти ещё как-то, в обход поющих в зале?

– Нет. Туда отдельный вход. Это потом, в дальних коридорах много ответвлений. Там целый лабиринт. Мы туда не ходим. Туда дорогу знает только владыка. Ну и его жрецы, наверное.

– Тридцать два говоришь? Минус шесть.

– А вы, что и остальных тоже убили?

– Зачем? Они в наручниках в машине сидят, тебя ждут. Какое у вас оружие?

– Обычное. Как у всех воинов – саадак с луком и стрелами. Мечи у нас только у гвардейцев. А у нас кинжалы. Они нам передаются от деда к внуку. После посвящения мы станем нукерами – телохранителями владыки. Он наш верхов-

ный шаман. И, как нукеру, мне дадут сулицу. Это такое короткое копьё.

– Я знаю. Для метания. А где эти сулицы сейчас лежат?

– Там, в зале. На специальной подставке стоят.

– Слева или справа от входа?

– Справа. А что?

– Ничего. Проверяю. Сверяю твою информацию и тех, что в машине. Так ты говоришь, что пока поют. А когда закончат петь?

– Каждый из нас подойдёт к своей жертве, перережет ей горло, а потом достанет сердце. Пока оно бьётся, мы должны съесть его. Потом достанем печень, и владыка принесёт жертву богам.

– То есть, сигнал к убийству – это окончание песнопения?

– Ну, да. Получается так.

– Обожди. Каждый подойдёт к своей жертве? Но там всего девять человек.

– Кто вам это сказал? Там двадцать два человека. И нас двадцать два.

– Опаньки. То есть, там ещё три гвардейца осталось.

– Да и двадцать два заложника.

– Сиди здесь. Тебя заберут.

Я понимал, что песня должна длиться до тех пор, пока не пройдет смена караула. Но что им мешает начать ритуал чуть раньше? И ещё я очень хотел знать, где наши, где спецназ.

– Кстати, а как это ты – непосвящённый юнец, меняешь

караул с гвардейцами?

– Я сын нойона! Мой прадед был минган – богатуром, тысячником в тумене у самого хана Мамай! – Но я его уже не слушал.

Мы отошли ближе к пещере.

– Парни, вы слышали. Идём слушать песни. Макс, ты уже доказал, что можешь сделать. Подходим к залу, и ты вдоль стены проходишь к заложникам. Если там никого нет, потихоньку разрезаешь верёвки у мужчин и говоришь каждому из них на ухо шёпотом, что их сейчас принесут в жертву. Надо сражаться. Если бабы начнут шуметь, рыкни, что перережешь глотку. Они будут думать, что ты абрек. Если там охрана, дождись начала нашей атаки и гаси охранника. Там больше одного не останется. На твоей стороне внезапность. Да, если повезёт, и ты всё сделаешь раньше, зажги зажигалку и ... Ну, круг какой сделай или два, чтоб мы знали. Ещё. Подтяните лямки рюкзаков. При потасовке в скалах он сохранит вам позвоночник. Идём уверенно, как смена караул, но принцип тот же. Это значит, что... Макс?

– Камни уже у меня.

– Молодец. Твой авторитет растёт прямо на глазах.

18

На этот раз всё было проще – хоженный – перехоженный маршрут, полу достоверная информация о противнике, моральная готовность. Оставался ещё его величество случай.

По расчёту, мы должны были вскоре подойти к входу в большой зал, но из темноты навстречу нам появились фигуры. Кто-то из них что-то сказал или спросил.

– Якши. – Ответил я, т.к. ничего другого всё равно не знал.

– Бельмес. – Услышал я в ответ. Но ответ был удивлённым. Встречный бой всегда скоротечен, и побеждает тот, кто меньше думает, а быстрее действует.

Выпад, укол, попал. Но он не один. Наугад ударил чуть левее. Подрезал чью-то рубаху, но не ранил. А прямо передо мною образовалось ещё одно чёрное пятно на чёрном фоне.

– Макс! Кидай! – рявкнул я и пригнулся. Удар, вскрик. Укол, попал. Слева кто-то схватился в рукопашную. Я рад бы помочь, но кому? Наконец они разомкнулись, и я услышал, как Мишка заматерился. Чуть подкорректировал удар, выпад, вскрик боли. Я добавил копьё, дожимая его к стене. Нагрузка на копьё вниз, сказала мне, что с ним покончено. Издалека раздавались воинственные крики.

– Кажись, они петь перестали. Бегом! Всё по плану.– И мы побежали.

Теперь вид зала сильно изменился – обилие факелов на стенах, факелы в руках людей. Посередине – деревянная ёмкость на подобию корыта. Рядом стол с единственно чашей жёлтого цвета.

– Чашу Грааля, что ли имитируют?– Промелькнуло у меня. – Макс! По стене!

Я увидел, что из коридора показалось двое воинов с копьями, и за ними девушки и парень. Туристы! Справа от входа подставка с сулицами. Я метнул своё копьё в одного из воинов, благо все кучковались ближе к центру.

– Макс! Быстрее! – Схватив ближайшую сулицу, я швырнул её во второго, но он с лёгкостью её отбил в сторону. Но с третьим копьём я бросился в рукопашную. Где-то рядом со мной в полный голос орал и матерился Михаил.

– Ему бы в военное училище пойти – отличный офицер выйдет. – Умудрялся я думать, тыкая своим копьём куда придётся, на манер новобранца образца сорок первого года. Боковым зрением увидел закипевшую схватку между туристами и абреками. Значит, Макс дошёл.

– Хорошие парни. – Это было последнее, что я помнил. Очнулся я от того, что стукнулся головой о камень. Меня тащили за руки. Вернее, волокли. Не особо церемонясь. Из-за моего протеза мне категорически нельзя падать, поэтому я со страхом прислушался к своим ощущениям и болям. Болит – это хорошо, значит, живой. На фоне сильной тупой боли в голове и резкой в правом плече, боль в ногах практически не чувствовалась. То, что мои протезы не разлетелись, обрадовало меня и наполнило каким-то успокоением и уверенностью, что всё будет хорошо.

Меня дотащили до какой-то двери. Постучали и, открыв её, швырнули вглубь.

– Вот уроды. Никакого уважения к старым пенсионерам.

– С этим соглашусь – современная молодёжь совсем не уважает стариков, не чтит законы предков. – Раздалось сбоку от меня.

Я огляделся. Рядом со мной, у стены стоял небольшой деревянный столик с книгами. Посередине – полуметровый деревянный престол. А возле него – какой-то старикан в тёмном балахоне. По возрасту явно старше меня. Худощавый, значит, в купе со своим возрастом, потенциально слабее меня. Хоть что-то хорошее.

– Да, уважаемый. Распустили мы молодёжь. Нет строгости в воспитании. – Сказал я, опираясь и используя столик, как бадик, чтобы подняться. – Куда мы катимся?

– Приятно слышать, что среди неверных есть единомышленники хотя бы в этом. Хочешь вина? Угощайся. Этому вину в кувшине сорок лет. Финики, инжир на подносе. Угощайся.

– Уважаемый, вы меня назвали неверным. Наверное, вы мусульманин. Но, если вы читали Коран, то там написано, что неверный, – это мусульманин, предавший веру и перешедший в другую веру. Но я свою веру... Подчёркиваю – свою веру, не предавал. Я был, есть и буду христианином. Я никогда не был мусульманином, поэтому, исходя из канонов Корана, я не являюсь неверным. Я являюсь христианином. А Коран учит дружескому отношению и терпимости к другим верам. Я прав?

– Да мне наплевать, кто ты! Вы все – и христиане, и му-

сульмане служите врагу моего господина! Но близится наш час, час возмездия и справедливой кары! Скоро придёт тот, кто поставит вас всех на колени, вновь потрясёт всю вселенную!

– Это вы о Чингисхане?

– Да! О нём!

– Ну, это навряд ли. Да, он был выдающийся полководец. Но он был простым человеком. Выдающейся личностью, но простым человеком. Человеком!

– Глупец! Дыбджиты – духи природных стихий уже преполюняют эту пещеру. Я призываю дэвов и мангусов, всех древних демонов. Они открывают путь Потрясателю вселенной.

– Уважаемый! При всём моём потенциальном уважении к вам, к вашему возрасту, я вынужден огорчить вас тем, что все силы и возможности злых и злобных духов земли пропали и закончились в день Пятидесятницы. Если вам, конечно, знакомо это слово.

– Знакомо. Но ты же прекрасно понимаешь, что ни одно действие, событие не проходит бесследно. Даже большой камень, брошенный на гладь бассейна, и утонув, всё равно вызывает волну, которая, отразившись от стены, вновь возвращается к своему источнику, даже, если его там больше нет. Можно ли уподобить такому камню Люцифера – любимца Богов, или Сатану, его заместителя, друга и соратника? А Князя Земли Калигастию, которого у нас на земле называют

дьяволом?

– Ну, учитывая их должности и прежние заслуги, да.

– А то, что эти три величины, три глыбы били в одном направлении? Неужели память о них исчезла вместе с их изоляцией? Неужели их волны не вернутся чуть позже назад? Они не уничтожены! Как жаждете вы – христиане. Они только изолированы. И мы – адепты Люцифера это знаем. И пока они живы, будем существовать и мы. А они существуют для того и до тех пор, пока существуют сомнения в полном отсутствии возникновения новых адептов дьявола на земле да и на других мирах. Это замкнутый круг. И, если для бессмертных сто тысяч лет не срок, то для нас это больше, чем история.

– Ну и что из этого? Мало ли отморожков бегают на земле. Всё равно Божья правда победит. Согласен, земной срок короткий. Ну и что? Эволюция переросла в цивилизацию. Со временем исчезнете и вы. Ты прав – космос не любит спешку. Так и отчёт каждый держит сам за себя. Господь не практикует децимацию. Он не казнит каждого десятого в назидание и устрашения других. Как сказал Вицин на суде, после похищения невесты Шурика, советский суд самый гуманный суд на свете. Так вот Божий суд намного круче, и гуманнее и справедливее. Да, это история. Но она идёт своим чередом. И что бы там ни было раньше, но тепереча, не то, что давеча. Сейчас ты просто крутой пахан банды отморожков.

– О-о, ты ошибаешься. Ты просто не представляешь, как

я могуч, как велика моя сила.

– Ты уравнивал себя с Богом?

– Практически да.

– Не верю. Человек не способен на то, на что способен Бог. Он оперирует такой мощью, такой энергией, что человеку и не снилось.

– Это – простой человек! Я не такой!

Он так сильно разнервничался, что начал метаться по комнатушке, врезаясь в престол, стоящий посередине, и ударяясь головой о человеческие черепа, свисающие на верёвках с потолка.

– Ты не представляешь, что я могу! Это простой человечка, не способный управлять своим разумом, слабый духом уподобляет себя скотине. Дух способен владеть разумом; таким же образом разум может управлять энергией. Однако разум способен управлять энергией только посредством своей собственной разумной манипуляции метаморфическими потенциалами, присущими математическому причинно-следственному уровню физических сфер. Управление энергией не является внутренним свойством разума; это – прерогатива Божества. Но разум создания способен манипулировать, и манипулирует энергией в той мере, в какой он овладевает энергетическими тайнами физической вселенной.

Когда человек желает видоизменить физическую реальность – будь то он сам или его среда, – ему удастся сделать

это в той мере, в которой он открывает пути и способы, позволяющие контролировать материю и управлять энергией. Разум, лишенный помощи, не имеет возможности воздействовать на что-либо материальное, кроме своего собственного физического механизма, с которым он неизбежно связан. Однако, через разумное использование механизма своего тела, разум способен создавать другие механизмы – и даже энергетические и живые связи, – используя которые, этот разум обретает всё большую способность контролировать и даже подчинять свой физический уровень во вселенной.

Наука является источником фактов, и разум неспособен действовать в отсутствие фактов. Факты являются теми кирпичиками, из которых строится мудрость, и которые цементируются жизненным опытом. Человек может найти любовь Бога без фактов; человек может открыть законы Бога без любви; но человек никогда не сможет осознать бесконечную симметрию, небесную гармонию и совершенную изобильность всеобъемлющей сущности Первого Источника и Центра, пока он не найдет божественный закон и божественную любовь и эмпирически не объединит их в своей собственной эволюционирующей космической философии.

Развитие материального знания позволяет добиться большего интеллектуального осознания значений, заключенных в идеях, и ценностей, заключенных в идеалах. Человек способен обнаружить истину в своем внутреннем опыте, но ему требуется ясное знание фактов для того, чтобы он мог при-

менить свое личное открытие истины к жестоким требованиям каждодневной материальной жизни. Поэтому я ...

– Кхе-кхе-кхе.– Закашлялся я.– Скажи, а ты можешь всё это повторить ещё раз?

– Что?! Идиот! Да ты знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?! Ты сейчас на себе испытаешь всё моё могущество!

С этими словами он в полуэкстазе повернулся лицом к престолу и воздел руки к черепу, в который было воткнуто перевёрнутое распятие Христа.

– Это мой последний шанс.– Мелькнуло у меня в голове, и я рванул от колена свой тесак.

Доля правды была в его словах, т.к. он сразу же почувствовал моё движение. Или услышал треск разрезаемого скотча, которым я привязал свой нож к голени.

Я увидел его перекошенное злобой лицо и метнул в него свою последнюю надежду, которая так долго моталась возле меня, что успела натереть ногу. Лезвие с хрустом вошло в плоть, пригвозждая его к деревянному престолу.

– Ты помнишь, что говорили Христу, распятому на кресте? Если Ты Господь, то спаси Себя и нас! Пусть спасёт Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий! Он не сошёл с креста, чтобы свершилось предсказанное, но Он воскрес на третий день, как было предсказано! Он, но не ты! Я уйду. Если ты так же велик, как и Он, то приди ко мне послезавтра, т.к. я к тебе не приду. Я оставляю тебя здесь, и даже камнем заваливать проход не буду. Приди, чтобы я зафикси-

ровал твоё могущество. Прощай. Я не говорю до свидания, т.к. ты сам знаешь почему. Ты добровольно и умышленно отверг Бога. В судный день ты просто исчезнешь, и твоё имя вытрут из книги жизни. Тебя и сейчас знало лишь три десятка человек, а через месяц и они забудут. Это крах всей твоей авантюры. Но ты можешь немного себе польстить – с тобой произошло то, что чуть позже произойдёт с твоим кумиром. Прощай. Можешь меня не провожать. Кстати, извини, но я у тебя займу на время пару керосиновых ламп. Кто знает, сколько мне плутать по коридорам. Заберу твоё вино и еду. Ты не сильно обиделся? Но зато в обмен я напою твои книги из этой фляги водкой из кобыльего молока, а потом сожгу их. Но не как жертву, а как простой мусор на свалке, чтобы никто больше не смог прочитать эту ересь. Твой взгляд угасает, но ты ещё увидишь закономерный конец твоих трудов.

При этом я свалил на пол в кучу все книги и залил их водкой. Зажигалка в походах всегда при мне.

– Гляди, как горит. Крысы и плесень довершат их естественный конец. Теперь, по-моему, всё. Я ничего не забыл?

Мне осталось только засунуть в рюкзак кувшин с вином и вывалить туда же еду с подноса. Поднос был красивый, с национальным орнаментом, но большой, неудобный, поэтому, скрепя сердцем, мне пришлось его оставить хозяину. Правильно – мне чужого не надо.

помогло мне в точном определении маршрута домой. Обилие поворотов, отсутствие знаков и указателей выводило меня из себя. Наверняка у него была карта подземелий. Но это была моя умная мысль, а она, как известно, всегда приходит опосля. Практически все боковые проходы были завешены то ли паутиной, то ли плесенью, подсказывавшие мне, что этими путями уже давно никто не ходил. Пришлось действовать методом исключения. И я его нашёл. Один из проходов оказался без этой висящей дряни. Я осмотрел пол. Да, пыль была. Но на этой пыли явно были видны следы от двух пар обуви. Они пришли оттуда. Значит? Правильно! И я пошёл искать этот вход, который будет для меня выходом.

Хорошо, что я догадался (вот только сам ли?) взять две лампы, т.к. первая погорела и потухла, а долгожданный свет в конце туннеля, так и не появился. Подпалив фитиль второй, я постарался увеличить темп ходьбы. Куда там. Надо было перед отъездом выпить тост, чтобы мои желания совпадали с моими возможностями, а ещё лучше – обалдевали от них. Но я же не пью! По крайней мере, не часто. Дежа вю. Так, кажется, говорят французы. Я опять шёл и ждал звуков, желал света, неся свет в левой руке. Нет, это всё-таки не дежа вю.

Скалы, они и есть скалы, особенно, если ты в глубине их. Холод постепенно проник вовнутрь меня. Остатки водки, вылитые в кувшин с вином, уже мало помогали моему измученному нарзаном организму. Потихонечку я доел всю кон-

фискованную еду, а путешествие моё по-прежнему продолжалось. Надеюсь, не к центру земли. Хотелось спать, но стены были настолько холодные, что было невозможно просто-ясть, прислонившись к ним, и пяти минут.

Тёплый ветерок я почувствовал, но осознал не сразу. Тепло, Солнце, свет, выход, конец мучений. Мне хотелось всего этого. Всего и сразу. Шагов через двести я увидел цивильную деревянную лесенку вниз, а внизу – небольшую пещеру с туристами, слушавшими какой-то трёп экскурсовода о красоте подземелий. Век бы их не видать.

– Мужчина, я же русским языком просила – не перелезть за ограждения!

Ба! Да это она мне. Глазастая какая.

– Простите тётенька, просто у меня ветром сюда кепку унесло. Я сейчас вылезу.

– Да уж сделайте, пожалуйста, одолжение. Я же о вас беспокоюсь. Тем более этот туннель ведёт в тупик. Но на вас может упасть камень. Вы можете подвернуть ногу в темноте. Кстати, а откуда у вас лампа?

– Здесь стояла. Всё, я ухожу.

С традиционным кряхтением я перелез через перила загородки и пошёл на выход.

– Безобразие. И вот в таких условиях мне приходится работать. Пьяный, навверняка. Напьются и лазают тут везде. Хамло.

С этими тёплым напутствием я вышел под столь долго-

жданное солнце. Крики птиц, шелест листьев, жара, свобода. Как всё-таки здорово жить!

А оказался я почти за сорок километров от маршрута, на который я сам же и спровадил проводником своего друга Сергея. И сам же туда и поехал. Дурак. А, может быть, и нет.

Август 2014г.